

А Н А Ш Е Р И

К Н И Г А

2

Я ПОДАРЮ
■ тебе ■
КРЫЛЬЯ

Ана Шерри

Я подарю тебе крылья. Книга 2

«ЭКСМО»

2019

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Шерри А.

Я подарю тебе крылья. Книга 2 / А. Шерри — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101455-1

Экипаж А380 овациями встретил вернувшегося из Аликанте капитана. Даниэль Фернандес Торрес уезжал в надежде забыть гордую девушку с глазами цвета неба и возвращался, чтобы помнить. Она все так же перечила, дерзила и... магнитом тянула к себе, заставляя забыть обо всех запретах. Для Оливии Паркер работа в «Arabia Airlines» всегда стояла на первом месте, и отношения с капитаном не смогут этого изменить. Так ей казалось. Но внештатная ситуация с невышедшей передней стойкой шасси, когда от катастрофы их отделяли мгновения, расставила все по своим местам и помогла осознать, что же на самом деле имеет ценность.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-101455-1

© Шерри А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 35	6
Глава 36	11
Глава 37	17
Глава 38	23
Глава 39	30
Глава 40	36
Глава 41	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ана Шерри
Я подарю тебе крылья. Книга 2

© Шерри А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 35

– Боже. – Даниэль схватил свой паспорт со стойки регистрации. Он не ожидал увидеть Оливию так скоро. По его подсчетам, она уже должна ждать его на собрании. Это он опаздывал, задержавшись у начальства.

Но это Оливия. Те же глаза цвета неба... Теперь они испуганно смотрят на него. Она тоже не ожидала.

Девушка схватила свой паспорт и прижала его к груди.

– Я пропускаю тебя, – сказала она, пристально всматриваясь в его лицо, рассматривая каждую деталь, каждую черточку. Три месяца его не изменили. Только эта усталость в его глазах... И да, черт, она соскучилась по ним.

– Нет, – он отрицательно покачал головой, – я пришел вторым.

Оливия выдохнула, почувствовав, как дрожат губы, и твердо сказала:

– Моя мать учила меня пропускать старших по званию.

– Моя мать учила меня пропускать женщин вперед.

Что он говорит? Почему она ему не перечит? Почему не кидается с кулаками, пытаюсь не дать влезть вне очереди?

Девушка за стойкой регистрации переводила удивленный взгляд с одного на другого, потом не выдержала и одновременно выхватила у них паспорта.

– Перестаньте спорить. – Она поставила печати. – Вы такие странные.

Только теперь Оливия вспомнила ее. Это она регистрировала ее на первый рейс. Перед глазами всплыла картина, как они с Даниэлем встретились. Впервые. Сейчас они тоже встретились впервые. Все изменилось. Больше не хотелось ненавидеть его.

Схватив чемодан, Оливия покатила его дальше. Даниэль последовал за ней. Эта близость волновала обоих.

Внезапно он остановился и, улыбаясь, протянул ей руку:

– Мы не познакомились. Капитан Даниэль Фернандес Торрес.

Девушка удивленно подняла брови, пытаясь понять, что он задумал. И сознание сразу выдало слово «игра». Его игра. Которую она с радостью примет.

– Оливия Паркер. – Она коснулась его ладони, и капитан пожал ее.

– Откуда ты, Оливия?

– Из Лондона.

– Правда? – удивился он. – Самый замечательный город из всех, в которых я когда-либо был.

Оливия засмеялась. Это было безумием.

– Добро пожаловать в мой экипаж, Оливия. Я очень надеюсь, что мы найдем общий язык.

– Конечно, Даниэль, не сомневаюсь в этом, – кивнула она, не переставая улыбаться.

Девушка первая переступила порог брифинг-комнаты, обнаружив, что все уже в сборе. И под громкие аплодисменты за ней вошел он – их капитан. Они ждали его, скучали по нему. Но она сильнее всех.

Даниэлю было приятно. Их радость, аплодисменты... Значит, любят. Значит, они одна семья, члены одной команды и между ними не должно быть войны.

Капитан сел рядом с Марком во главе стола.

– Рад всех вас видеть, – улыбнулся он и обвел взглядом присутствующих, лишь на долю секунды задерживаясь на девушке, с которой только что познакомился.

Это была шутка, Даниэль придумывал на ходу. Увидеть Оливию у стойки регистрации было неожиданно, он едва сдержался, чтобы не зацеловать до смерти. Но, поняв, что судьба

дает им второй шанс, решил действовать иначе. От первого знакомства зависит многое. Вторая попытка дана, чтобы исправить ошибки первой.

Он говорил про рейс, пассажиров, про экзаменатора, про топливо, но Оливия чувствовала лишь шелк, который проникал в ее тело. Она ничего не понимала из сказанного им. В голове были другие мысли: этого мужчину она ждала три месяца, не знала, как вести себя при встрече. Сейчас все, казалось, уже решено. Он начинал с чистого листа. И в этом листе нет места им двоим. Больше их нет. Есть он, она и дурацкий договор авиакомпании. И воспоминания, от которых она никогда не избавится. Все встало на свои места.

Медленно она шла за экипажем к самолету. Вдалеке слышала его голос – Даниэль шел с Марком и успокаивал его. Не Марк успокаивал экзаменуемого, а наоборот. Сколько терпения в нем?.. Сжав руки в кулаки, Оливия приняла решение меньше думать и больше работать. Сегодня будет тяжелый рейс не только для Даниэля.

За улыбкой и шутками Даниэль скрывал тревогу и волнение. Виной тому экзаменатор на борту в его первый полет после длительной паузы. Плюс добавляла смятения плохая погода в Сингапуре. Но хуже всего даже не это: впереди идущая девушка не давала ему покоя. Она стала его наваждением. Как будто почувствовав его взгляд, Оливия обернулась, слегка улыбаясь. На какую-то долю секунды ему захотелось прижать ее к стене и мучить долгим поцелуем. Думала ли она о том же?

Ничего он не забыл. Он вернулся, чтобы помнить.

– Пойду осмотрю самолет, ты начинай вбивать маршрут. – Он кивнул Марку и направился вниз по лестнице, на ходу надевая сигнальный зеленый жилет.

Оливия вошла в салон и ощутила волнение. Сегодня особенный рейс. Пора было выкинуть из головы «первую» встречу и собраться с мыслями.

Келси помогла ей, сунув Оливии листок бумаги со словами:

– Твое расписание прихода к пилотам, как просил Марк. Соблюдай строго, иначе он будет нервничать. И звони пилотам каждые сорок минут. Твой салон первый, ближе к кокпиту.

– Хорошо, – кивнула девушка, вчитываясь в записи. Всего три: один раз напитки, второй – обед, третий – ужин. Так мало?

Еще пару месяцев назад она бы облегченно вздохнула. В памяти еще свежи воспоминания о том, как Даниэль загонял ее с кофе.

– А как же кофе? Даниэль любит кофе. Много кофе.

– Он сам попросит тебя принести кофе, когда захочет, но, боюсь, сегодня ему будет не до него, – вздохнула Келси.

Это было правдой – еще на брифинге капитан сказал про зону сильной турбулентности в пути и грозовой дождь в аэропорту Сингапура. Несколько бортов других авиакомпаний попадали в этот фронт и зону турбулентности над Азией. Несколько человек пострадали, обшивка салонов треснула – непристегнутые пассажиры бились о нее головой. Даже на кухнях все было вверх дном – крепление не выдержало этих толчков. Она видела фотографии в газетах, и они шокировали ее.

– Интересно, если самолет попадет в зону самой сильной турбулентности, есть вероятность сваливания?

Келси с удивлением посмотрела на Оливию:

– Тебе больше не о чем подумать? Спроси у Марка. Или нет, – она указала рукой на вошедшего в салон Даниэля, – сразу капитана.

Даниэль предвкушал полет. Сейчас он сядет в свое кресло, и жизнь пойдет так же, как и раньше. Экзаменатор его уже не пугал.

Он оглядел салон, отметив про себя суету бортпроводников. Они переживали больше его, это было заметно по всему – Келси пыталась всех контролировать, указывая, что кому делать. Но, видимо, Оливии задания еще не досталось. Она стояла, сложив руки за спиной

и смотря в его сторону. Она одна ничего не делала, но ее задумчивый вид заставил Даниэля сделать шаг в ее сторону.

– Тебя что-то беспокоит?

Девушка вздрогнула. На ее лице что, плакат с надписью «Меня что-то беспокоит»? Но да, ее беспокоило все, начиная от нервной атмосферы в экипаже и заканчивая вероятностью сваливания, но не признаваться же в этом.

– С чего ты взял?

Спрашивать про турбулентность и нервировать его она не хотела. Если бог есть, то он сейчас перекрестился – Оливия впервые спасла Даниэля от вспышки раздражения.

Даниэль заметил, как она закусилла нижнюю губу, устремляя взгляд голубых глаз в пол. В том, что ее что-то беспокоит, он не сомневался.

– Скажем так, я хорошо тебя знаю и вижу, что ты нервничаешь. Но, если посмотреть на остальных, – он вновь взглянул на людей своего экипажа, – то могу предположить, что тебя волнует не только мой экзаменатор. Они все суетятся и бегают, а ты стоишь с большими испуганными глазами. Что тебя беспокоит?

Оливия посмотрела на него, а в голове множились вопросы. Она буквально запихивала их обратно, не давая вырваться наружу. Только не сейчас.

– Думаю, понравится ли Кариму мясо под сливочным соусом.

Даниэль удивленно поднял брови, не ожидая такого ответа. Улыбка тут же коснулась его губ. Хитрая. Роковая. В то же время нежная.

– Какая разница, что ему понравится? Главное, что нравится мне.

Зачем он так сказал? Ее щеки тут же захватил легкий румянец. Черт, теперь он видит еще и эту ее реакцию на свои слова. Оливия отвела взгляд, пытаясь собраться с мыслями. Впервые она не знала, что ему ответить. Впервые оставила его без колкого комментария.

– Странно, – прошептал он, – ты молчишь.

– Ты не рад?

– Меня это настораживает.

Лучше бы он отошел от нее, стоять рядом становилось невыносимо.

Оливия уже забыла про турбулентность и меню для Карима, в голове стучал только один импульс, и он был весьма непристойный. Вот что должно его настораживать. А не ее молчание, которое – в сравнении с внезапно возникшим желанием затащить его в туалетную комнату, сорвать с него рубашку, отрывая пуговицы, и прикоснуться губами к его телу – ничто.

Оливия закрыла глаза, слегка качнув головой, чтобы возникшая в голове картина тут же исчезла. Но она не исчезла. Ничего не забылось. Этот мужчина стал только желаннее. Раньше бы ее это взбесило. Но сейчас, стоя в шаге от него, она ощущала внутри себя тепло. Она хотела Даниэля Фернандеса, и это ее не раздражало. Он не раздражал ее. Ее мысли не были противны, напротив, ей нравилось думать о нем, вспоминать его прикосновения. Но самым сокровенным желанием стало повторить ту ночь. Хотя бы раз...

– Мне пора. – Даниэль кивнул ей, поняв, что девушка не скажет больше ни слова, и направился к себе в кабину.

Видеть ее молчаливой так непривычно. Раньше он бы обрадовался, но сейчас хотелось слушать ее голос. Хотелось говорить с ней, спорить, ругаться. А она молчала.

Заняв свое кресло под пристальным взглядом Марка, Даниэль откинулся на спинку, наконец ощутив себя в своей среде.

– Как же хорошо.

– Скоро придет Карим, и будет не так хорошо. – Марк заставил его опуститься на землю.

Надо было срочно собраться с мыслями, выкинуть из головы Оливию и ее странное молчание. Даниэль взял в руки чек-лист, чтобы пройти по пунктам, но не выдержал:

– Оливия стала больше молчать, у нее все в порядке?

– Я мало с ней общался, – пожал плечами Марк, – и я не ругаюсь с ней каждый раз, когда ее вижу.

Даниэль кивнул, смотря в чек-лист и задавая вопросы по предполетной подготовке.

Оливия приступила к работе лишь после того, как Келси вручила ей в руки стопку одеял, замотанных в целлофановую пленку. Она раскладывала одеяла, бережно поправляла подушки, лежащие на креслах. И хотя все салоны самолетов авиакомпании были выше всяких похвал, сегодня этих похвал должно быть больше. Так же, как и ее улыбок.

– Встречаем пассажиров! – крикнула Келси, и Оливия заметила, как все направились к своим выходам. Натянув улыбку, девушка встала рядом с Ниной и Келси в ожидании первого гостя – страшного и злого экзаменатора.

– Может, поставить ему подножку? – сквозь улыбку прошептала Нина, чем вызвала взрыв смеха у Оливии. Но недовольный взгляд старшей стюардессы вмиг прекратил это веселье.

– Он идет, – произнесла Келси, и взгляд Оливии устремился к трапу.

Экзаменатор – мужчина лет пятидесяти, коренной житель арабской страны, одетый в форму пилота с четырьмя золотыми шевронами на рукавах, шел быстрой, уверенной походкой, держа в руках кейс.

– Он капитан? – прошептала Оливия. – Я думала, он обычный смертный.

– Ты что! – шикнула Келси, натягивая улыбку еще шире. – Экзамены у капитана может принимать только капитан. И не просто капитан, а лучший в своем деле. Улыбаемся!

Улыбка Оливии от этих слов машинально стала шире, но внутри росло волнение. Теперь не за себя, а за Даниэля. Лицо Карима Джабраила, как и предупреждал Марк, было угрюмым. Черные густые брови сходились в одну большую толстую линию. Они срослись на переносице, видимо, от постоянного недовольства. А черная борода завершала жестокий образ.

– Добро пожаловать на борт, сэр, – громко и внятно произнесла Келси, но он даже не улыбнулся на ее приветствие. Этот человек был напроць лишен манер. – Я провожу вас до кокпита.

– Не стоит, – он шагнул на борт самолета, – я прекрасно знаю дорогу.

Оливии захотелось закричать от ужаса и преградить ему дорогу до кабины пилотов. Она еле сдержалась, стиснув зубы и сжав руки в кулаки. Теперь ее не пугала турбулентность, она переживала за своего капитана. Бедный Даниэль, первый день после долгого перерыва в работе, и вынужден будет терпеть этого человека больше семи часов лета. В одном маленьком помещении. При закрытых дверях. Этот монстр будет мучить его, высасывая последние силы.

– Что получит Даниэль, сдав сегодняшний экзамен? Надеюсь, это будет что-то вроде Нобелевской премии, не меньше, – прошептала Оливия.

– Если сдаст, останется капитаном, – ответила Келси.

– Всего-то? – буркнула она, думая, что он, даже если не сдаст, останется тем же Даниэлем. Ее отец был капитаном, и как ему это в жизни помогло? Никак. Лишь на надгробной плите теперь написано.

Даниэль в присутствии Карима вел себя достаточно уверенно. Марк даже позавидовал ему, ощущая легкую дрожь в руках, исполняя все, что говорил капитан, и пытаясь не обращать внимание на человека, сидевшего сзади. Карим молчал, пристально наблюдая за всеми действиями пилотов. Он что-то отмечал в бумагах, лежащих на коленях. Но страшнее стало, когда из него, как зерно, посыпались вопросы. Марк устал считать, сколько он их задал. И хоть все они касались работы, он чувствовал себя, как в школе возле доски.

Даниэль отвечал спокойно, иногда с улыбкой, иногда нахмутив брови, пытаясь углубиться в теорию. Но отвечал, и Марка это очень радовало. И хотя самолет еще не взлетел, казалось, Даниэль ответил уже на все.

Оливия прошла по салону, помогла людям уложить вещи. Она улыбалась, произносила приветливые слова, получая довольные ответные улыбки. Самолет тронулся, и долгожданный голос капитана произнес:

– Уважаемые леди и джентльмены, говорит капитан Даниэль Фернандес Торрес, мы рады приветствовать вас на борту авиакомпании «Arabia Airlines» по маршруту Дубай – Сингапур. Время в полете – семь часов пятнадцать минут. Полет пройдет на высоте тридцать девять тысяч футов. В течение полета ожидаются несколько зон турбулентности, рекомендую не расстегивать ремни безопасности. Желаю вам хорошего полета, спасибо, что выбрали нашу авиакomпанию. Экипажу приготовиться к взлету.

Оливия стояла между креслами, зачарованно слушая и чувствуя растущий внутри груди трепет. Как давно она не слышала его по громкой связи... Где-то вдалеке звучали восторженные аплодисменты – бортпроводники встречали своего капитана. Жаль, он не слышит, ему было бы приятно знать, что он такой один. Ему нет равных.

Глава 36

Время летело со скоростью самолета. Оливия по-прежнему чувствовала нервозность, но прятала ее за улыбкой. Улыбка – искусственная маска. Улыбка – первое требование авиакомпании. Улыбка – это, прежде всего, спокойствие пассажиров. Улыбка – это престижность и большой профессионализм. Сегодня она давалась ей с трудом. Ощущение постоянного тремора самолета и негаснущий знак пристегнутых ремней на панелях в салоне заставляли ее улыбаться сильнее.

Подходило время нести обед пилотам и грозному Кариму. Волнение выдавала дрожь в руках. В голове было так много мыслей, что она едва слышала просьбы пассажиров.

Еще три месяца назад она бы порадовалась участию Даниэля в таком сложном экзамене. Сейчас же она сочувствовала ему, переживала вместе с ним, понимала, как тяжело ему управлять самолетом в постоянной турбулентности под наблюдением такого угрюмого человека.

Табло погасло, и Оливия облегченно выдохнула, молясь, чтобы оно не включилось до конца полета. Одной проблемой стало меньше, но возникала другая.

– Оливия, время кормить экипаж, – напомнила ей Келси. Но девушка не забывала об этом ни на минуту и лишь кивнула. – Улыбайся и молчи.

– Потом расскажешь, как обстоят дела, – произнесла Нина, – может, уже пора отправлять пилотам спасательную группу.

Нервный смешок слетел с губ Оливии. «Я просто поставлю еду на их столики и уйду», – успокаивала она сама себя, направляясь на кухню. Взяв три подноса из рук Джуана, девушка устала на еду, а в голове уже зарождалась отличная идея по временному устранению нежелаемого объекта из кабины пилотов.

– Джуан, возьми у меня верхний поднос.

– Ты кого-то оставишь голодным? – удивился он, но выполнил ее просьбу.

– Все будут сыты, – улыбнулась она, – но каждый в свое время.

Оливия пошла с двумя подносами и под пристальным вниманием стюардесс открыла дверь кабины пилотов, заметив, как они перевели взгляды, пытаясь рассмотреть, что творится внутри. Оливия зашла внутрь, набрав в легкие как можно больше воздуха, и тут же выдохнула его, оказавшись в полной тишине. Казалось, ее присутствия никто не заметил – никаких улыбающихся лиц, каждый был занят своим делом. Карим сидел позади пилотов на дополнительном кресле, в котором когда-то сидела она, летя на новом самолете из Гамбурга. На его коленях была разложена тонна бумаг. Вес этой макулатуры можно было сравнить с весом большого рюкзака странствующего путника. Марк листал толстый журнал, лежащий на столе. Даниэль сидел к ней спиной, он даже не обернулся на звук закрывшейся двери.

– Добрый день, – улыбнулась она, нарушив могильную тишину. На ее голос обернулся только Марк. – Время обедать.

Пилот кивнул ей и перевел взгляд на Карима в ожидании его реакции.

– Спасибо, Оливия, мы как раз проголодались.

Наконец, черный взгляд экзаменатора коснулся ее лица, и девушка улыбнулась шире, меняя тон голоса на убаюкивающий шепот:

– Капитан Джабраил, я предлагаю вам пообедать наверху, в нашем лучшем люкс-классе, где вас никто не побеспокоит. Здесь, боюсь, вам будет неудобно.

Даниэль тут же обернулся. Перед полетом он отбросил все мысли – ему нужна была ясная голова. Он решил игнорировать Оливию, но после произнесенного это оказалось трудно. Увидев море удивления на лице второго пилота, он улыбнулся, понимая, что Оливии Паркер никто не указ, она все равно сделает по-своему. В ее голове слишком быстро рождаются безумные идеи, она просто не успевает думать об их последствиях.

Три месяца назад он убил бы ее за самостоятельность. Сейчас лишь улыбался, переводя взгляд с лица недовольного Марка на окно. Буря решила спасти их на время, чтобы передохнуть от угнетающей тишины. Молчать столько времени становилось пыткой. Даниэлю казалось, что все диспетчеры на время стали его лучшими друзьями, и, выходя с ними на связь, он был рад, что может сказать хоть пару слов.

– Я вас где-то видел, – произнес Карим, но его голос не испугал девушку, – ваше лицо мне знакомо.

– В аэропорту, – улыбнулся Марк, – Оливия – лицо нашей авиакомпании.

– Ах да, да, – задумчиво сказал Карим, подняв указательный палец правой руки вверх, – я вспомнил. Вы и капитан Фернандес, да-да. Красивая фотография. И, кажется, это вы приняли роды у женщины, когда ваш капитан посадил самолет в Коломбо. Я видел вас по телевизору.

Даниэль перестал улыбаться, вспомнив, сколько нареканий услышал в свой адрес из уст этого человека после посадки. Карим не одобрил решения Даниэля садиться в Коломбо, мотивируя тем, что пятьсот жизней не стоили одной новорожденной.

– Да, это я, – все так же тихо произнесла Оливия.

– И что думаете вы, Оливия, по поводу того случая?

Он рукой указал на пилотов, давая понять, что, пока она будет подавать еду, у нее есть время подумать над ответом. Девушка слегка занервничала и, повернувшись к Марку, встретилась с недовольным взглядом. Но позвать ее сюда было его идеей, поэтому она пожалала плечами и передала ему поднос. Он недовольно выхватил его из рук и поставил себе на столик.

Девушка повернулась к Даниэлю и протянула ему поднос, мысленно представляя, как он мечтает перевернуть его на нее. Но она ошиблась. Его пальцы слегка коснулись ее руки, глаза осветило солнце, подливая молоко в эспрессо. Взгляд без гнева и раздражения. Теплота его пальцев пронесла сквозь нее вспышками, но среди них не было ярости. В памяти вновь возникла картина той ночи, о которой она одновременно мечтала забыть и повторить. Она все еще отчетливо помнила эти пальцы, нежно скользящие по ее коже...

– Спасибо. – Он слегка улыбнулся и тут же отвернулся от нее, ставя поднос возле себя.

У нее было время подумать об ответе, который ждал Карим, но она забыла вопрос. Вопросы другого рода жили теперь в ее мыслях...

– Ну что ж, – Карим отложил гору бумаг в сторону и встал со своего места, – раз вы так настаиваете, я пообедаю в более удобном месте, но при условии, что вы, Оливия, расскажете мне ту историю своими словами. Я слышал только версию пилотов, и она до сих пор кажется мне безумной. Хочу знать мнение экипажа. Сторону, которая не имеет отношения к механике и пилотированию, а базируется лишь на психологических аспектах.

Почему она не встретила Карима три месяца назад? Она переврала бы все на свете, выставила бы Даниэля сумасшедшим, который посадил двухпалубный лайнер на полосу вдвое короче положенной.

Оливия почувствовала себя студенткой, сдающей сложный экзамен, где каждое слово в ее ответе – это минус или плюс для Даниэля. Вот только бы правильно их подобрать, чтобы не подвести его...

Карим открыл двери, пропуская Оливию вперед, и она вышла, уводя с собой того, от которого так хотели избавиться в кабине пилоты, но которого не ждали в салоне.

План Оливии сработал, она дала Даниэлю перевести дыхание, переводя на себя все внимание этого угрюмого человека.

– В общем-то, я на это и рассчитывал, – произнес Марк, – только не думал, что Карим вспомнит Коломбо и уж тем более – что втянет в это ее. Вы не ладите друг с другом, как думаешь, она обвинит тебя в неправильных действиях?

Даниэль пожал плечами. Раньше он бы не сомневался в этом, сейчас все было иначе. Он до сих пор не мог понять ни своих действий, ни ее молчания.

– Я не знаю, – произнес, наконец, он и открыл касалетку. Аппетита не было, но надо заставить себя есть. Лучше это делать, пока Карим не вернулся. В его присутствии даже самый сочный кусок мяса превращался в безвкусный и сухой.

Оливия проводила Карима на верхнюю палубу и, улыбаясь, предложила сесть за столик между двумя мягкими креслами.

– Сейчас я подам вам обед.

Она направилась на кухню, возле которой столкнулась с Джуаном. Он открыл рот, желая что-то сказать, но девушка опередила его:

– Зато пилоты расслабятся без Карима, им нужно время, чтобы перевести дыхание.

Он понимающе кивнул:

– Я позабочусь об этом, ты можешь идти.

Она с большой радостью убежала бы, но экзаменатор Даниэля Фернандеса Торреса задал и ей вопрос, ответ на который, возможно, что-то изменит.

– Джуан, – девушка с мольбой посмотрела на старшего бортпроводника, – вспомни день, когда женщина рожала в нашем самолете. Скажи мне, что ты чувствовал в тот момент, когда Даниэль объявил об экстренной посадке в Коломбо на полосу короче, чем требуется для такого гигантского лайнера? Ты был согласен с таким решением?

Брови Джуана поднялись вверх от удивления:

– Ты бы еще вспомнила тот случай, когда мы летели на двух работающих двигателях, – пробурчал он. – Я не помню, возможно, вначале я испугался, но ведь мы обязаны выполнять приказ капитана. Здесь главный он, и не в нашей компетенции перечить ему, даже если мы не согласны или просто боимся. Наша работа – выполнять то, что требует Даниэль Фернандес Торрес. Он сказал «садимся», значит, он был уверен в своих силах. Что касается страха – надо меньше об этом думать, а не кричать на весь салон: «Аллах, спаси нас». – Он уставился на нее широко открытыми карими глазами: – Это все?

Оливия кивнула, совсем неудовлетворенная его ответом. Он говорил шаблонно, как его учили. «Капитан всегда прав». Его слова мало помогли ей, но кое-что она для себя все-таки уяснила.

– Я сама отнесу Кариму еду. – Она взяла поднос и вышла в салон, направляясь к столу, за которым сидел человек, наводящий на всех ужас. У нее появилась возможность почувствовать себя в роли Даниэля Фернандеса.

Девушка аккуратно разложила перед ним большую белую салфетку и поставила на нее поднос. Она выполняла необходимые действия, а в мыслях был тот самый день... Она пыталась воссоздать в своей памяти каждую деталь, вспомнить свои ощущения, свой страх, свои слезы, утешения своего капитана, когда она уткнулась в его грудь, испачкав кровью. Она вспоминала свое желание быстрее сесть. Хоть где, не важно, лишь бы капитан посадил самолет.

Карим указал рукой на пустое место напротив.

– Итак, Оливия, – начал говорить грозный мужчина, – я знаю, что вы сейчас начнете оправдывать своего капитана или упираться на заключенный договор с нашей авиакомпанией подчиняться любому его приказу. Я все это знаю. Поэтому не буду терять свое и ваше время и задам один вопрос, который никак не повлияет на мое отношение к тому случаю. – Карим откинулся на спинку кресла. Оливия же, наоборот, напряглась. Она не ожидала таких слов. Карим, как зоркий орел, видел все вокруг, но, как орел, так же внезапно мог накинуться на свою жертву, перерезая горло когтями. Она боялась даже думать о его новом вопросе.

– Оливия, у вас есть дети?

Это был странный вопрос, и девушка пожала плечами, отрицательно покачивая головой:

– Нет.

– Жаль. – Он дотронулся до своей бороды, прищулив глаза. – Но мать у вас есть?

– Да.

– Хорошо, – кивнул мужчина, кладя руку на подлокотник, – представьте ситуацию, Оливия, что ваша мать летит на высоте тридцать шесть тысяч футов, где внезапно начинаются роды у незнакомой женщины. Капитан принимает решение сесть в ближайшем аэропорту. Вроде бы ничего страшного, но кое-что пугающее все-таки есть – этот самолет не может произвести посадку на ту полосу. Но капитан уверен в своих силах и настаивает, жалея бедного ребенка или ту женщину, которая истекает кровью. На борту ваша мать, Оливия, и еще пятьсот пассажиров и двадцать шесть членов экипажа, у которых наверняка тоже есть близкие люди, ждущие их на земле в пункте назначения.

Карим замолчал, задумавшись, этого времени Оливии хватило понять, к чему он клонит.

– Он совершает посадку, но не успевает затормозить. Самолет таранит забор и выкатывается за пределы полосы, натываясь на близлежащие здания. Взрывы, пламя, крики ужаса, адская смерть – сгореть в огне заживо. – Карим поморщился. – Вы ждете мать, а она уже не вернется, потому что капитан самолета, на котором она летела, был слишком сентиментален и пожалел рожавшую женщину и ее ребенка. Более пятисот смертей ради одной.

Оливия представила эту картину в ярких красках крови и огня. На секунду ей показалось, что она слышала крики. Крики ужаса. Ее затошнило.

– Мой вопрос – скорее не вопрос, Оливия, а убеждение: вы до сих пор считаете Даниэля Фернандеса, посадившего самолет на такую полосу, героем?

Ощущение сухости в горле и нехватка воздуха. Станный человек со странными убеждениями. Жестокий человек, убивший ее мать в пожаре и обвинивший в этом Даниэля. Он пытался воздействовать на психику. Оливия не знала, что ответить, находясь в глубоком шоке. Считала ли она Даниэля героем? Он спас жизни новорожденного ребенка и его матери, сохранил жизни более пятисот человек, хоть и рискнув, но он действовал уверенно, а значит, знал, что все пройдет успешно.

Сейчас Оливия еще раз убедилась, как тяжело быть капитаном и принимать подобные решения. Так же тяжело было ее отцу, она помнила, как он после рейсов делился с женой такого рода случаями. Джина Паркер всегда поддерживала мужа.

– Да. – Оливия гордо выпрямилась, отрывая взгляд от своих рук. Ее глаза встретились с глазами жестокого человека. – Я считаю Даниэля Фернандеса Торреса героем. Я довольно много – для стюардессы – понимаю в механике и пилотировании, вы выбрали для беседы не того человека. Я дочь капитана и связана с авиацией каждой клеточкой своего тела. И хоть каждое воздушное судно имеет свою специфику, я уверена, что все они имеют нечто общее. Самое большое отличие – «Эйрбас» слишком тяжел, но это дает ему преимущество перед такой посадкой, а снизить скорость в воздухе никто не запрещает. Есть миллионы способов сделать это, вы сами знаете, не мне вас учить. – Оливия встала, оставляя этого странного человека обедать в одиночестве: – Даниэль спас всех пассажиров, и он не герой. А вот если бы он летел еще четыре часа до пункта назначения, ребенок и женщина умерли, и тогда он стал бы убийцей. Для вас он плохой в любом случае, так к чему весь этот разговор. Приятного аппетита, капитан.

Сжав руки в кулаки, Оливия направилась вниз. Этот человек пытался подчинить ее себе жалостью, настраивал против капитана. И она смогла дать ему отпор. Джон Паркер гордился бы своей дочерью.

Не имеет значения, что будет после. Возможно, Даниэлю придется несладко, лететь оставалось еще долго, но она ни капли не жалеет о том, что сказала. Никакое звание не заменит правды.

Девушка прижалась к стене возле кабины пилотов. Она не войдет и уже тем более ничего не скажет про этот разговор. Вдохнув, она направилась к своим пассажирам, поглядывая на часы и молясь, чтобы пилоты попросили кофе раньше, чем к ним спустится Карим. Больше видеть его она не хотела, все еще находясь в легком шоке от страшных слов.

Как будто почувствовав ее желание, зазвонил телефон возле кухни. Оливия взяла трубку, видя, что звонок от капитана.

– Я слушаю. – Она ждала любых его слов, любого желания, но только его голосом. Он будоражил ее, казалось, наступила тишина и даже шум двигателей умолк.

– Оливия, зайди к нам.

Было странным слышать такое, но она подчинилась и уже спустя пару секунд набирала код на двери. Она зашла внутрь, и две пары глаз уставились на нее.

– У нас есть десять минут до того, как мы войдем в зону сильной турбулентности, – начал говорить Даниэль, но Марк его перебил, встав со своего места и вручая Оливии поднос с едой.

– Хоть в туалет успею сходить.

Она слышала, как закрылась за ним дверь, и перевела взгляд на капитана.

– Десять минут, чтобы убрать все горячие напитки, – продолжил Даниэль, изучая ее побледневшее лицо, – никакого чая и кофе. Прекратить обслуживание до тех пор, пока я не выключу табло. – Он нажал над собой кнопку, и Оливия услышала знакомый звук. Она вздрогнула, переведя взгляд на дисплей погодного локатора, находящегося перед Даниэлем. То, что она увидела, напугало ее еще больше – они влетали в грозовой фронт, и он был настолько большим, что поглощал пол-экрана. У него было начало и не было конца.

– Его нельзя облететь?

Даниэля уже не смущали ее познания в авиации.

– Нет, – он ткнул пальцем в монитор, – он плотный, и я не знаю, где он кончается. Если начну снижаться, станет только хуже. Буду просить эшелон выше, но мы и так летим тридцать восемь тысяч футов.

Зачем Даниэль говорил ей это? Лучше бы она не знала, каждую минуту представляя, что скоро все закончится. В памяти вновь всплыли заголовки газет с жуткими фотографиями разгромленного салона самолета, летевшего этим же маршрутом.

– Я не просто так позвал тебя сюда. – Даниэль пристально посмотрел на девушку, замечая, как та побледнела. Да, он не просто так пригласил ее, он помнил, как девушка вцепилась в его руку, когда их сменный экипаж попал в песчаную бурю и самолет трясло слишком сильно. Он позвал ее, чтобы она не боялась, хотел подбодрить. Раньше такое не пришло бы ему в голову, но сейчас хотелось обнять ее и заверить, что все будет хорошо.

Но она не смотрела на него, казалось, девушка даже не слышала его слов, уставившись на монитор огромными глазами цвета неба. Затем она перевела взгляд на окно впереди себя, на бесконечную белую массу – ту самую прекрасную пушистую вату для любого человека, не знающего, что скрывает такой слой красоты.

– Оливия! – Даниэль повысил голос, и она наконец посмотрела на него. – Тебе нечего бояться.

– Тогда зачем ты показал мне это? – Теперь ее глаза изучали его лицо, на секунду она даже забыла про грозовой фронт. Она так долго видела в этом кресле чужие лица, что, смотря на Даниэля сейчас, чувствовала себя как дома. Его лицо стало родным.

– Чтобы ты отнесла это. – Он взвалил на ее руки, держащие поднос Марка, свой и нахмурил брови, продолжая сверлить ее взглядом. Что она хотела услышать еще? Он предупредил, сказал, чтобы она не переживала и не пугалась. Какого черта надо злить его? Чего она хотела? Слушать его успокоения тысячи раз? Наслаждаться тем, что Даниэль Фернандес вдруг начал переживать за нее? – Время еды закончилось, – сухо произнес он и отвернулся, поправляя наушники. Больше он не скажет ни слова.

Оливия еще раз посмотрела в окно, стараясь забыть о неприятном капитане. Надо было ответить ему дерзостью, но она пожалела его. Так же, как мать жалела отца, соглашаясь с ним в любой ситуации.

– Хорошо, капитан, я поняла. Мне позвать Карима? Или пусть подавится едой во время тряски?

Тут же дверь распахнулась, и за Марком зашел тот самый человек, которому она только что пожелала «приятного аппетита». Карим пронзил ее взглядом черных глаз и сел на свое место, забирая тонну бумаг и кладя их на колени. Девушка не стала портить ему и без того испорченное настроение и вышла из кабины.

Даниэль улыбнулся, не веря собственным ушам. Это была все та же Оливия – дерзкая и упрямая. Она пыталась быть милой, но маленький дьявол, сидящий в ней, все-таки сказал свое слово.

Глава 37

Самолет потряхивало не так сильно, как ожидала Оливия, но она заставила пристегнуться всех своих пассажиров. Одна молодая парочка оказалась крайне недовольна этим фактом.

– Почему я должна пристегиваться, если самолет почти не трясет? – поморщилась девушка с коротко стриженными черными волосами. Ее голова лежала на коленях у парня, а ноги были подняты на кресло. Слава богу, хватило ума снять обувь. – Я хочу спать.

– Прошу вас пристегнуться, – улыбалась Оливия, в душе желая руками схватить ее за грудки и силой усадить в кресло. Она понимала, что длинный перелет слишком тяжел, и у многих пассажиров возникало желание пройтись или полежать. – Турбулентность может начаться в любую минуту.

– Мне все равно, я же лежу. Из самолета точно не выпадут, – нахально улыbnулась та.

– Это приказ капитана. Я прошу вас, пристегнитесь, пожалуйста, в целях вашей же безопасности.

– Я не слышала никакого... – Ее слова оборвал резкий толчок и внезапное ощущение легкости.

Оливию откинуло назад, но она успела ухватиться за ближайшее кресло, наблюдая, как девушка тут же села и потянулась за ремнем.

Душа осталась где-то наверху, Оливия почувствовала, как они снизились, попав в воздушную яму, и тут же давление вновь нормализовалось, подгоняя тело к душе.

Прозвучали три коротких сигнала. Она уже слышала один, когда Даниэль нажал кнопку на своей панели. Сейчас их было три. Она взглядом обвела салон, слыша еще один сигнал на пейджере боковой двери. В надежде, что это написала Келси, девушка прочитала сообщение: «Экипажу занять свои места». Это не Келси – сообщение прислали пилоты. И тут же спокойный голос Даниэля вышел на громкую связь с салоном:

– Уважаемые леди и джентльмены, говорит капитан, мы пролетаем зону сильной турбулентности, прошу всех оставаться на своих местах, поднять спинки кресел, убрать откидные столики и пристегнуть ремни до отключения сигнала на ваших панелях.

В его голосе не было ни паники, ни нервозности. Он говорил четко и спокойно. Оливия видела, что после его слов люди не испытывали панического страха, они сидели спокойно, смотря в окно, пытаясь увидеть хоть что-то, что напомнило бы о турбулентности. Самолет летел в облаке тумана, и они не знали, что этот туман и есть та самая опасная зона.

Еще один сильный толчок, и самолет завибрировал, сотрясая все внутри себя. Оливия кинулась к своему месту, села и пристегнулась, руками проводя по ремням безопасности, слыша дребезжание обшивки салона. Она обвела его взглядом, боясь увидеть то, что станет причиной для заголовка завтрашних газет, – трещины. Именно они стали истерией номер один в небе над Азией. Самолеты медленно разрушались изнутри, находясь в сильной вибрации. И хоть все люди выжили, травм было много. Не хотелось составить им компанию, а прочность этого самолета сейчас проходила испытание и пока радовала стойкостью.

Они летели высоко в воздухе, а ощущение складывалось, будто едут по каменистой дороге, натываясь на большие булыжники. Было страшно слышать дребезжание дверей багажных отсеков, находящихся над пассажирами. Оливия посмотрела на них, боясь, что они откроются и вся ручная кладь полетит на людей.

Но станет еще хуже, когда одна за другой начнут вываливаться кислородные маски. Она уже видела такое. Тот случай она никогда не забудет. И не захочет повторения.

Видя испуганные глаза людей, сидящих напротив, Оливии захотелось их подбодрить, и она улыbnулась. И хотя улыбка вышла не самая искренняя, ей казалось, что они слегка расслабились. Многие смотрели на нее, надеясь на поддержку. Она сидела, уверенно выпрямив

спину, а внутри все сжималось от страха, руки дрожали так, что она машинально схватилась за ремень безопасности.

Тряска усиливалась, багажные панели уже готовы были открыть свои рты и вывалить содержимое в салон. Взгляд Оливии теперь был прикован к ним. В ее голове промелькнули все уроки в колледже. Никто не имел права ослушаться приказа капитана и встать со своего места; она знала правила, но готова была нарушить их, если откроется хоть один отсек. И как по велению дьявола, преследовавшего их самолет в виде большого грозового фронта, дверь панели распахнулась, и Оливия зажмурилась. На секунду. В следующее мгновение она распахнула глаза, видя, как из багажного отсека съезжает большой рюкзак. Под ним сидела та самая девушка с короткими черными волосами, со страхом смотря вверх и прижимающаяся к своему парню. Он в испуге руками обхватил девушку. Всего доля секунды, и вот уже руки Оливии нажали кнопку на своем ремне безопасности, и лямки тут же отпустили ее.

– Оливия, не делай этого, – прокричала Келси, сидевшая через пролет.

Но не делать девушка не могла. Она не могла сидеть и наблюдать, как вещи заваливают ее пассажиров.

Самолет трясло, раскачивая из стороны в сторону, то вверх, то вниз. Булыжная мостовая превратилась в многочисленные кратеры. Давление скакало, то опуская душу, то поднимая ее вверх. Тело за ней не успевало.

Девушка хваталась за изголовья кресел, пытаясь как можно быстрее дойти до злосчастного отсека. Он был близко, но расстояние будто увеличилось в тысячи миль. Келси снова что-то крикнула, но Оливия не слышала, стоял жуткий грохот: дребезжал пластик и вдалеке слышался крик пассажиров. Он дал ей сил преодолеть оставшееся расстояние, и, едва держась на ногах, она с силой захлопнула отсек, оставляя содержимое в его желудке. Пусть подавится.

Удовлетворенная, она опустила взгляд на девушку, которой уже ничего не угрожало, и встретила с ее ошарашенными глазами.

– Все хорошо, – кивнула Оливия, и в этот момент самолет резко взмыл вверх. Принимая на себя внезапную тяжесть, ноги подкосились, и Оливия упала.

Все стихло так же внезапно, как и все началось. Ни шума, ни страха. Но дикая боль в голове заставила ее снова вернуться в этот ужас. Открыв глаза, она снова услышала гремющий пластик и шум двигателей. Чьи-то руки пытались помочь встать, это были руки той девушки, Оливия приняла ее помощь, и у нее получилось подняться.

– Все хорошо, спасибо, – вновь прошептала она, направляясь в обратную сторону и сразу натыкаясь на Келси.

– Ты сильно ударилась?

– Нет, все в порядке.

– У тебя кровь. – Келси крепко держала Оливию, не дав ей упасть снова.

Вдвоем они быстрее добрались до кресла, и Оливия почувствовала – кочки и кратеры пройдены. Даниэль поднял самолет выше, оставляя облако ваты из ужаса и страха. Теперь дорога была тихой и плавной.

Келси усадила Оливию в кресло, осматривая голову:

– Зачем ты пошла туда? Теперь ты вся в крови.

– Если бы я не пошла туда, в крови была бы моя пассажирка. – Оливия поморщилась, когда Келси дотронулась до раны.

– Даниэль убьет тебя, и не показывайся на глаза Кариму, теперь я буду обслуживать пилотов.

Это было отличной новостью. Видеть их всех не особо хотелось.

– Я промою твою рану, она хоть и не глубокая, но все же надо продезинфицировать. Сиди здесь и не вставай. – Келси пошла за аптечкой, и Оливия перевела дыхание, ощущая пол салона

под ногами. Все было спокойно. Пол твердый, ноги прочно упирались на него. Наконец-то пришло расслабление.

Взглянув на своих пассажиров, она увидела, что их взгляды направлены на нее, и Оливия улыбнулась, забыв про боль:

– Я же сказала, что будет все хорошо.

Кто-то заплакал – она слышала всхлипывание, кто-то улыбнулся в ответ, кто-то начал хлопать в ладоши, и эти хлопки начали раздаваться по всему салону. Они переходили с одного салона в другой, их становилось все больше, и вот шум хлопающихся друг о друга ладоней создал новый шум, заменяющий дребезжание пластика. Люди радовались концу. Но было ли это концом?

Она перевела взгляд на панель, все еще видя горящее табло пристегнутых ремней. Капитан не торопился их выключать, видимо, перестраховываясь. А люди продолжали хлопать, был слышен смех и чьи-то молитвы.

Сидя в своем кресле, Оливия почувствовала резкую боль, которая заставила ее вновь поморщиться – это Келси и Мирем обрабатывали ее рану, что-то щебеча. Она едва улавливала смысл их слов.

– Как ты могла, Оливия? – причитала Мирем. – Ты могла убиться. Что скажет капитан, когда увидит это?

Она руками показала на голову Оливии, и та улыбнулась еще шире:

– Он скажет, что я лишилась последних мозгов.

В этом она была уверена. Ясная и четкая картинка пронеслась у нее в голове: там Даниэль Фернандес Торрес злится, но в то же время обнимает ее. Как тогда в Коломбо – она уткнулась ему в грудь, и это было самым лучшим моментом.

По-прежнему чувствуя боль, видя, как суетятся Келси и Мирем, как прибежала Нина и зажмурилась от увиденного, Оливия услышала шелк, который успокоил ее лучше, чем все эти люди:

– Леди и джентльмены, говорит капитан, мы облетаем зону турбулентности, грозовой фронт находится под нами. Через несколько минут бортпроводники начнут подавать вам напитки и еду. Во избежание травм из-за внезапной турбулентности прошу вас оставаться пристегнутыми весь полет. Спасибо за понимание.

Тут же пришло оповещение на пейджер на боковой панели двери, и Оливия успела прочитать сообщение от капитана экипажу, прежде чем Келси отключила его. Даниэль просил зайти старших бортпроводников в кабину пилотов. Обычная формальность, но девушка не хотела, чтобы Келси рассказывала об инциденте и его последствиях. И дело было не в Даниэле – в Кариме. Она пренебрегла правилом и встала в опасный момент, за это должен ответить капитан, Оливия не хотела, чтобы Даниэль за нее отвечал. Ни сегодня, ни сейчас, ни когда-либо еще.

– Я не скажу, – как прочитав эти мысли, произнесла Келси. – Сейчас – нет, но когда сядем, мне придется рассказать об этом, Оливия. Я не хочу, чтобы ситуация повторилась.

Девушка кивнула, но в душе надеялась, что к моменту посадки все забудется и останется лишь маленьким неприятным воспоминанием.

Келси обошла весь первый этаж, проверила пассажиров и экипаж. Все спокойно. Они отделались слишком легко от такой страшной болтанки, она думала – будет хуже. Зайдя к пилотам, она доложила об этом капитану, ощущая на себе пристальный взгляд угрюмого экзаменатора.

– Хорошо, – спокойно выдохнул Даниэль, – я рад, что все закончилось и никто не пострадал. В последнее время над Азией творится что-то страшное.

– Пусть Оливия принесет нам всем кофе, – произнес Марк.

Келси секунду помедлила, не зная, как выкрутиться из этой ситуации, но внезапно, посмотрев на Даниэля, улыбнулась:

– Я принесу вам кофе, Оливия немного занята – разносит напитки пассажирам.

Он кивнул, даже не задумавшись. Какая разница, кто принесет? Но почему-то ему захотелось увидеть Оливию. Целой и невредимой. Без ушибов и ссадин. С целыми руками и ногами. Говорящей, приносящей кофе, улыбающейся, смотрящей чистым небом. Ему необходимо было видеть ее такой.

– Ты же освободила ее от работы в салоне, – нахмурившись, произнес он, повернувшись к стюардессе.

Под его взглядом Келси занервничала и мельком взглянула на Карима:

– Да, но пассажиры разнервничались, и она помогает Мирем их успокоить. – Ее голос дрогнул, и она улыбнулась, чтобы это скрыть. – Я сама принесу.

Даниэль мог бы задать ей массу вопросов, но не стал, давая понять Кариму, что он всем удовлетворен.

Но, черт, он не был удовлетворен! Ни капли. После слов Келси стало просто невыносимо жарко. Ощущение закипающей в теле крови заставило его подняться со своего места:

– Марк, я пойду умоюсь, здесь слишком душно, через пару минут свяжись с диспетчером.

Марк кивнул, смотря на капитана испуганным взглядом. Он явно не хотел оставаться один на один с Каримом. Но выбора не было, Даниэль ушел, закрыв за собой дверь.

Ходить по салону капитану совсем не хотелось, желание было одно – плеснуть себе в лицо как можно больше холодной воды. Настолько холодной, чтобы мысли вновь стали ясные и желание увидеть Оливию напрочь ушло из его головы. Он открыл двери в туалет, налетая на ту, от которой пришел избавиться.

– Боже мой! – вскрикнула Оливия и зажмурила глаза, думая, что видение – результат ушиба. Она зашла в туалет смыть кровь с лица и, слава богу, успела сделать это, потому что, открыв глаза, она поняла, что видение – реальность. – Что ты здесь делаешь?

– Странный вопрос для человека, который летит семь часов. Наверное, то же, что и ты. – Он взглядом пробежался по ее лицу, понимая, что оно еще влажное, видимо, она умывалась, взглянул на ее плечи, на руки – визуально все было цело, опустил взгляд вниз, рассматривая ее ноги. Это было так странно, что Оливия сама задумчиво начала их рассматривать. Она стояла к нему боком, и рана на голове ему явно была не видна, иначе он уже кричал бы, хватаясь за свою голову.

– Красные туфли – хит сезона, – произнесла Оливия, показывая ему красные лаковые туфельки на невысоком каблуке, вытянув ногу. – Тебе нравятся?

К черту туфли, ему нравятся ее ноги. Вновь стало жарко, и он вспомнил, зачем пришел, всматриваясь теперь в ее лицо. Оливия прикусила нижнюю губу, забыв про помаду и отворачивая лицо от него в сторону, чувствуя, как его пальцы коснулись ее подбородка. Закрыв глаза, она нахмурилась, ощущая это прикосновение. Его пальцы трогали ее кожу, и ей хотелось закричать. От удовольствия. А еще лучше – схватить его за рубашку и втолкнуть в туалет, заперев дверь. Она хотела ощущать его прикосновения не только на своем лице, а на всем теле.

Она резко открыла глаза и выдохнула, заметив, что он рассматривает лейкопластырь, которым Келси заклеила рану на голове. Пока она мысленно хотела его, он бесшумно обнаружил то, что она так усердно пыталась скрыть.

– Я так и знал, – прошептал он – сам себе или ей, она не поняла, – из всех людей головой могла удариться только ты.

Даниэль все еще держал ее за подбородок, развернув лицо Оливии в другую сторону, пытаясь рассмотреть степень повреждения.

– Ты была не пристегнута? – Его рука опустилась, и их взгляды встретились. Он ждал объяснений. Однажды он уже ждал их в этом месте, тогда он чуть не продырявив стену кулаком.

– Была, – начала оправдываться Оливия, пытаясь определить степень его гнева или жалости, но видела только недоумение, – в начале...

– Затем ты решила прогуляться по салону? – гнев начал расти.

Даниэль шептал, что бы его не услышали, и девушка так же шепотом ответила ему:

– Надо было, и встала!

– Ты не имела права. Ты ослушалась моего приказа и повредила остаток мозга! – Шепотом он перешел на повышенный тон.

– Не кричи! – прошептала она, так же повышая тон. – Дверь багажного отсека для ручной клади открылась, и оттуда начал выезжать рюкзак. Он упал бы на пассажира!

– Сумасшедшая, он упал бы мимо нее. – Он зажмурился на секунду и так же шепотом произнес: – Я могу отстранить тебя от работы за неподчинение приказу.

Оливия открыла рот от удивления. Она только что хотела этого человека? Даниэль Фернандес никогда не изменится.

– Вспомни себя в Коломбо, – прошипела девушка, – какому приказу не подчинялся ты?

– Я спасал человеческие жизни!

– Я тоже спасала!

– Ты могла погибнуть! – Даниэль прорывал эти слова и тут же осекся. Только что он озвучил то, о чем не хотел даже думать. Он признался в том, что переживает за нее. – Мне теперь расхлебывать это.

Оливия не знала, чему удивляться больше – тому, что он волновался за нее, или тому, что ему придется отвечать за этот случай перед начальством. Да еще Карим, как назло, находился на их борту, следя за всеми.

Оливия опустила глаза:

– Я не хотела создать тебе проблемы. Мы никому не скажем.

– Я вызову «Скорую» к самолету в аэропорту, – произнес Даниэль, резко разворачиваясь к своей двери, но Оливия перехватила его руку, обжигая своими пальцами кожу. Чувствовать ее стало волнительно. Она бы провела пальцами по всей его руке, ощущая подушечками пальцев упругость мышц...

– Пожалуйста, не надо, со мной все хорошо. Правда.

Даниэль молчал, смотря на нее, понимая, что тонет в бесконечном небе ее глаз. Это молчание прервала Келси, идущая в кабину пилотов с подносом, на котором стояли три чашки с ароматным кофе.

– Ой, – она не ожидала, что Даниэль увидит Оливию с пластырем на голове так скоро, – маленькое недоразумение, капитан. Ничего серьезного, рана не глубокая, а из головы всегда много крови течет.

Даниэль стиснул зубы, теперь сверля взглядом Келси:

– Поговорим после посадки, когда Карим покинет самолет.

Это было мудрое решение. Келси кивнула и, открыв дверь в кокпит, вошла внутрь. Она была уверена, что Даниэль не станет давать случаю огласку. Даже после посадки он вряд ли поднимет эту тему. Между своими все решалось быстро и просто.

Стоя друг напротив друга, Оливия и Даниэль молчали. Он мог бы сказать еще пару слов по поводу того, что обещал ее матери заботиться о дочери, но она никак не хотела подчиняться, рискуя жизнью на его самолете. Все шло к тому, что он сам лично будет пристегивать дочь Джини.

– Никогда больше так не делай, Оливия, – наконец произнес он, понимая, что дело не в обещании – дело в нем самом. Он помнил шрам на ее груди, полученный путем такой же боли, и каждая ее боль отзывалась у него где-то глубоко внутри.

– Не обещаю, – прошептала девушка, чувствуя спиной стену, к которой пригвоздил ее взгляд мужчины, – но я постараюсь, капитан.

Только ради него.

Глава 38

До самой посадки Даниэль пребывал в жутком напряжении. Сначала в его мыслях была стюардесса, разбившая голову у него на борту, затем вновь небольшая турбулентность, заставившая проделать такие маневры, сменяя курс, что Карим открыл рот от удивления и неожиданности.

Перед посадкой в Сингапуре Даниэль напрочь забыл об Оливии, полностью погрузившись в работу. Их встречал дождь и боковой ветер. Боясь уйти на второй круг, он все-таки посадил самолет с первого раза. Это была не самая мягкая посадка в его жизни – коснувшись полос, самолет занесло в сторону на мокром асфальте. Ему хотелось все стереть и повторить заново.

– Опять лихачишь, Фернандес, – угрюмо произнес Карим, делая пометку в документах. – Когда угаснет твой юношеский пыл и ты начнешь думать головой, как я учил тебя все годы? Героизм – не кое-как сесть в условиях бокового ветра, а вовремя уйти на второй круг. Запомни это.

Даниэль, полностью недовольный полетом, был отчасти с ним согласен. Сегодня погода встретила его не очень радушно, втыкая палки в крылья. Но он посадил самолет, пусть и не очень мягко, так что если он не сдал этот экзамен, то впереди целая жизнь, чтобы исправить ошибки.

– Результаты экзамена будут ждать тебя дома, капитан Фернандес Торрес, – кивнул Карим, вставая со своего места, – и не обижайся, если там будет не то, что ты ждешь.

Его слова лишь подтвердили догадку Даниэля. Он не сдал. Он слишком молод для капитана. Второй шанс будет не скоро. Нельзя опережать время.

– Если бы ты ушел на второй, было бы больше шансов, – выдохнул Марк, когда дверь за Каримом закрылась и они наконец остались одни. – Какого черта ты не сделал этого?

– Я был уверен в том, что посажу его, и я посадил, не так ли?

– Так, – кивнул Марк, – именно так. Но Карим, видимо, ждал другого. Он ждал от тебя ошибок, но их не было.

Даниэль улыбнулся:

– Сегодня мы проделали отличную работу, Марк. Спасибо тебе за поддержку.

Он протянул второму пилоту руку, и тот пожал ее:

– Всегда пожалуйста.

Экипаж ждал своих пилотов в аэропорту Сингапура возле паспортного контроля. Оливия впервые была здесь, зачарованно любуясь высоким стеклянным потолком и начищенным до блеска полом, полной грудью вдыхая чистый сухой воздух кондиционеров. Она часто слышала о том, что именно этот аэропорт является самым красивым в мире, и согласилась бы, если бы не жила в Дубае. Именно дубайский аэропорт стал для нее самым величественным, самым изысканным. Ему не было равных, хотя многие считали иначе.

– Пилоты идут, – произнесла Келси, смотря вдаль. – Даниэля уже можно поздравить или еще рано?

Этот вопрос интересовал и Оливию. Никто из членов экипажа не понял в момент посадки, что в голове их капитана было желание уйти на второй круг. Никто не знал, что Даниэль остался недоволен полетом.

– Еще рано поздравлять, – Джуан пожал плечами, – пусть сам скажет, когда это можно сделать. Есть вероятность завтра снова видеть Карима у нас на борту.

Оливия устремила взгляд на свои туфли, пытаясь не смотреть на того, кто заставлял сердце замедляться, а тело задыхаться. Надо держаться от Даниэля подальше. Она отошла в самый конец очереди, но по-прежнему слышала слова, адресованные ему. Он отвечал, шутил – она

все отчетливо слышала, и желание взглянуть на него было настолько сильным, что она не выдержала и подняла голову.

– Тебе надо показать рану врачу.

Капитан стоял рядом, смотря на девушку слегка прищурив глаза. Когда он успел подойти? Или она так долго смотрела на эти чертовы туфли?

– Я в порядке, врач не нужен, – твердым голосом произнесла Оливия, – моя голова уже привыкла.

Он не улыбался. Девушка видела в его глазах усталость, они были черны, как безлунная ночь.

– Зато я не привык. Это приказ. Сделай милость, исполни его.

Когда мужчины перестанут ей приказывать? Она бы послала его к черту, но язык внезапно перестал ее слушаться. Позлившись этому факту, девушка лишь кивнула, стиснув зубы, наблюдая, как он уходит вперед очереди.

Миновав пограничников, Оливия все еще шла последняя. Впереди нее Нина рассказывала про Сингапур, его достопримечательности и запреты, но девушка едва улавливала слова в шуме аэропорта. Хотелось только одного – доехать до отеля, принять душ, содрав с раны пластырь, и просто лечь на постель, раскинув руки, думая о...

– Тебе сюда, – шелковый голос возле уха вывел Оливию из задумчивости, меняя все планы, – я еще помню про врача.

Даниэль опять внезапно оказался перед ней, указывая рукой на дверь медкабинета. Эта близость напугала ее, заставив вздрогнуть, и он засмеялся:

– Твои рефлексy в порядке.

Спорить не хотелось. Оливия молча открыла дверь и зашла внутрь. К ее удивлению, Даниэль зашел с ней, с порога начиная объяснять человеку в белом халате цель визита. Было странно, но приятно осознавать, что он не просто махнул рукой, а лично решил убедиться в словах Келси.

– Рана не глубокая. – Врач, мужчина средних лет азиатской внешности, осматривал каждый дюйм головы девушки. – Вы не теряли сознание?

– Нет, – ответила Оливия, хотя не была в этом абсолютно уверена.

– Тогда хорошо, – произнес врач, садясь на свое место. – Вам надо хорошенько отдохнуть и, если будут проблемы – тошнота и головокружение, то завтра я не допущу вас к полету. Вы полетите обратно пассажиром, Оливия. Вам понятно? Сегодняшняя ночь решит, работать вам или отдыхать. – Он посмотрел на капитана, стоящего в стороне, и кивнул ему: – Но думаю, что будет все в порядке.

Даниэлю было важно это услышать. Может, со стороны казалось глупым тащить ее из-за царапины к врачу, но тогда эта царапина стала бы и его головной болью. Она уже начала сверлить ему мозг, вытесняя несданный экзамен.

Покинув кабинет, Оливия продолжала молчать, ощущая присутствие Даниэля. И хоть она все еще злилась на него за его чрезмерную заботу – или это была не забота, а просто месть за непослушание? – ей было приятно, что он рядом. Они шли на стоянку, где их уже ждали в автобусе. Впервые молчание между ними стало не золотом, а тяжелым грузом.

– Оливия, – не выдержал Даниэль и остановился. Она обернулась, и взгляд тут же упал на губы, прошептавшие ее имя. Произнесенное им, оно возбуждало ее слух. – Ты ненавидишь меня?

Она смотрела на него, желая забыть последние слова и кричать совсем о другом. Это она ненавидит его?! Это из-за него она оттолкнула Патрика, попросив уйти и больше никогда не возвращаться! В мыслях о нем она провела ночи, терзая себя воспоминаниями о том, что оба поклялись забыть! Из-за него она работала на автопилоте, желая поторопить время! Чтобы три месяца прошли быстрее, и его голос снова коснулся шелком ее слуха.

– Нет.

Даниэль сам не ожидал от себя такого, думал, что никогда не задаст ей этот вопрос. Но ее молчание – пытка. За три месяца Оливия изменилась. Она была той же, но вместе с тем какой-то другой. Задумчивой. Грустной. Как он. А может, это он изменился так сильно, что все кажется ему другим?

– А ты? – прошептала она, всматриваясь в его глаза, понимая, что скучала по их цвету. Она скучала по всему, что было связано с Даниэлем Фернандесом. Она хотела его снова и снова. Хотела его и боялась себя.

– Нет, – твердым голосом ответил он, не отводя взгляда, пытаясь понять, что вообще они только что сказали друг другу.

Внезапно в памяти всплыл цветочный магазин и среди ярко-красных роз – лишь одна орхидея. Он хотел ее. Желание обладать этим цветком стало наваждением. Если бы они не стояли посреди аэропорта, Даниэль не удержался бы и попробовал его на вкус, но голоса и люди были преградой. И обещание, данное девушке, – все забыть. Помнила ли она о той ночи? Вспоминала хоть раз за все время, что его не было рядом?

Становилось душно. Еще секунда, и нечем будет дышать. Оливия все сильнее сжимала ручку чемодана, заставляя себя чувствовать, что она в реальном мире, а не в своих воспоминаниях.

– Ну наконец-то! – прогремел голос Марка где-то вдалеке. – Мы вас уже заждались.

Все рассыпалось. Оливия расслабленно закрыла глаза, отгоняя ненужные мысли.

Они вновь пошли по длинному коридору рядом друг с другом, и девушка, уставшая столько молчать, наконец произнесла:

– Карим остался доволен полетом?

– Он всегда недоволен. Скорее всего, я не сдал экзамен.

Оливия внезапно остановилась, тормозя Даниэля, ухватившись за рукав его черного пиджака. Пальцы коснулись золотых полос на нем, и она тут же отдернула руку.

– Это я виновата? – Она вспомнила разговор с Каримом во время обеда. Все-таки этот разговор отрицательно повлиял на экзамен.

– Это я виноват, – мотнул головой он, продолжив путь, но девушка вновь догнала его.

– Что было не так, Даниэль?

Он улыбнулся, слыша свое имя:

– Тебе перечислить все мои ошибки?

– Хотя бы самую главную.

– Попал в грозовой фронт, не ушел на второй круг при посадке, хотя все говорило мне, что я посажу самолет в таких условиях без проблем.

– Бог мой... – прошептала Оливия, нахмутив брови. – Но ты посадил самолет достаточно хорошо для такой погоды.

– Нас занесло, самолет при посадке сначала коснулся полосы правой задней стойкой, – он усмехнулся, – потом левой задней, как американские горки. Карим назвал меня «лихачом».

Оливия, видя его улыбку, засмеялась:

– Капитан Даниэль Фернандес Торрес – лихач?

Он кивнул. Такое сравнение не приходило ей в голову. То, что Карим недолюбливает Даниэля, она почувствовала еще в самолете.

– Он тебе завидует.

– Не думаю, – теперь засмеялся Даниэль, – просто я часто отхожу от правил, и его это бесит.

Три месяца назад Оливия, услышав новость о провале Даниэля на экзамене, подпрыгнула бы от счастья. Сейчас прыгать не хотелось, хотелось прижаться к его груди и прошептать:

– Твое время еще наступит, Даниэль. Не все дается легко. Это как полет: иногда на эшелоне встречаются облака, которые вызывают турбулентность. Ты прыгаешь по ухабам, но итог один – ты благополучно приземляешься.

Даниэль удивленно посмотрел на нее, не веря своим ушам. Но девушка лишь пожала плечами, потому что они уже подошли к автобусу, и тихо прошептала:

– Так говорила моя мама отцу, когда у него не все получалось так, как он хотел.

– И что он отвечал ей на это? – так же тихо спросил Даниэль, понимая, что их уже могут услышать.

– Ты вселяешь мне веру в себя, Джина.

Оливия на секунду потупила взгляд, вспомнив отца. Она скучала по нему. Очень сильно. Она любила его, несмотря на то, что, являясь капитаном, он часто командовал. Может быть, поэтому она привыкла все делать наперекор. Тут же ее взгляд коснулся Даниэля, который рукой указал ей на открытую дверь в автобус. Она прошла мимо, слыша шепот возле своего уха:

– Ты вселяешь мне веру в себя, Оливия.

Девушка слегка улыбнулась. Шелк разнесся током по ее телу. Стоя на первой ступеньке автобуса, она на секунду обернулась, заметив такую же улыбку Даниэля.

Дорога до отеля заняла полчаса. Девушка смотрела в окно, рассматривая проносящиеся мимо высокие здания, проезжающие мимо машины, людей, которые не подозревали о том, что стали на секунду центром ее внимания. Вновь и вновь мелькали знаки запретов. Запрет на жевание жвачки, запрет на рыбалку, запрет на бег, запрет на хождение босиком. Город-государство, где запретов больше, чем жителей. Она не смогла бы жить в Сингапуре.

Смех в салоне отвлек ее от мыслей об этом странном городе и заставил переключить внимание на разговор Марка и Келси. Они решили отправиться гулять по маленькой стране всем экипажем.

– Запрет на отлов мышей, – засмеялась Нина, тыча пальцем в окно.

– Запрет на хождение по улицам в голом виде? – Джуан буквально навалился на стекло. – Как жаль, как раз хотел пройтись голым.

Все засмеялись, и Оливия, улыбаясь, посмотрела на Даниэля, сидящего рядом с Марком сбоку от нее. Он крутил в руках телефон, видимо, желая сфотографировать весь этот бред.

От вида телефона в его руках Оливия занервничала и тут же отвернулась.

– Уважаемый экипаж, – громко произнес Марк, – прошу вашего внимания!

Все умолкли, и стало непривычно тихо, лишь тарахтящий мотор нарушал идеальную тишину.

– У нас есть время, чтобы прогуляться по самому необычному месту на планете – Сингапuru. Вы со мной согласны?

Вновь возгласы, и мотор автобуса уже не слышно.

– Отлично! Капитан отпускает нас, поэтому, кто идет – жду вас в холле гостиницы через час.

Впервые за четыре месяца работы им выдалась возможность увидеть хоть одну страну, в которую они прилетели. Оливия уже готова была бежать по улицам города и нарушать запреты, но резкая боль в голове напомнила о себе, и девушка, поморщившись, коснулась пальцами виска.

– Ты никуда не идешь, – произнес Даниэль, наблюдавший за ее радостью, а потом болью, – выполняй распоряжение врача.

– Ты, случайно, не служил в армии? – разозлилась она. – Отдаешь приказы как войску. Я не собираюсь просидеть в отеле весь вечер, зная, как прекрасно вы все вместе проводите время.

– Я тоже не иду, Оливия. Мне надо готовиться к завтрашнему полету. Ты будешь отдыхать, я буду работать. Это тебя устроит?

Грустными глазами девушка обвела счастливые лица экипажа. Она завидовала им и ненавидела себя за то, что ударилась. Пыталась ненавидеть Даниэля за его решение, но почему-то не смогла.

– Я все равно не люблю запреты, – тихо сказала она, – мне постоянно хочется их нарушать.

Даниэль улыбнулся и, слегка наклонившись к девушке, прошептал:

– Я тоже, поэтому нас не берут.

Она надеялась, что это шутка, но доля правды в ней все-таки была. Девушка поймала себя на мысли, что рада остаться с ним в отеле. Но ее до чертиков пугала эта близость. Надо попросить номер на несколько этажей выше от него, желательно в другом отеле, на другой улице и в другой стране или лучше всего – на другой части света. Так она не сойдет с ума от желания, возникающего при мысли об этом мужчине.

У стойки регистрации в отеле девушку подбадривали Нина и Мирем, в один голос утверждавшие, что Сингапур – не то место, где можно расслабиться, гуляя. Оливия кивала, в душе смеясь над причинами, придуманными для ее успокоения. Незаметный для других ее взгляд был устремлен на мужчину в форме капитана. Он получал ключ от номера, расписываясь в журнале регистрации, и Оливия, увидев цифры, пожелала тут же стереть их из памяти. Они были слишком просты, чтобы забыть. Три, восемь, ноль. Цифры его самолета.

Как по заказу всевышнего девушке вручили ключ с разницей в одну цифру. Зачем она встала в очередь за Даниэлем?

Крепко сжимая ключ в руке, она направилась к лифту, который был рассчитан на две персоны и кнопку вызова которого первым нажал капитан.

– Третий этаж, – произнес Даниэль, и двери захлопнулись. Оливия вздрогнула, оставшись один на один с тем, с кем меньше всего ожидала. – Я пока не собираюсь спать, поэтому, если почувствуешь недомогание, можешь прийти.

Он не знал, зачем сказал это. Оливия Паркер, даже если будет умирать, никогда не придет за помощью. Но находиться рядом с девушкой, которая не дает покоя его телу и мыслям, оказалось невыносимо.

– Можешь не переживать, я чувствую себя превосходно.

Такого ответа он и ждал.

Двери лифта открылись, и Оливия быстро прошла к своему номеру, слыша, как сзади Даниэль так же быстро пытается уйти, вставляя ключ в замок. Его номер находился напротив ее. Так близко, что захотелось разделить отель на две части, разломив пополам.

Рука девушки дрогнула, чуть не выронив ключи. Но, преодолев барьер из обычной деревянной двери, она зашла внутрь и захлопнула ее слишком быстро, не желая больше думать. В одном самолете, в одном отеле, на одном этаже им было тесно. Ее тело горело, мозг плавился. Голову не покидала одна-единственная мысль – напротив ее номера, через узкий коридор, находился тот, кого она хотела.

Даниэль оставил чемодан в прихожей, на ходу снял зажим в виде золотого самолета и развязал галстук, который сдавливал горло. Скинув пиджак, быстро расстегнул пуговицы на рубашке. Ему была нужна холодная вода. Как можно больше тонн холодной воды на его горячую голову.

Он встал под холодный душ, сразу ощущая покалывание на коже. Так и надо его проклятому телу за то, что оно заставляло его испытывать.

Холодная вода привела его в чувство. Но лучше чувствовать зябкость на коже, чем пожар внутри. Он хотел тушить пламя и жар до тех пор, пока те не покроются льдом.

Совсем замерзнув, он наконец отключил душ, не спеша выходить из душевой кабины. Вода ледяными каплями стекала с его тела и завершала охлаждение, заставляя Даниэля мучиться. Последняя капля прекратила эту пытку, делая сознание ясным, а голову холодной.

Теперь его мысли понеслись в обычном русле проблем, связанных с работой. Он не сдал экзамен, и стоило кинуть все силы, чтобы исправить эту ошибку.

Выйдя из ванны, Даниэль оделся, решив не застегивать пуговицы на рубашке, чтобы не согреться, и включил ноутбук, но стук в дверь заставил тело покрыться мелкой испариной. Он помнил свои слова, сказанные Оливии, – она могла прийти, если почувствует недомогание. И хотя маловероятно, что она окажется в его комнате, в глубине своего сознания он все-таки ждал ее.

Даниэль открыл дверь и, увидев на пороге Марка, испытал легкое разочарование.

– Мы уходим в город, может, ты передумаешь и пойдешь с нами?

– Я сегодня достаточно нарушил законов, не хочу связываться еще и с полицией.

Марк засмеялся, махнул рукой и пошел к лифту:

– Увидимся на завтраке.

Усмехнувшись, Даниэль закрыл дверь. Его так измотали последние два месяца, что он просто хотел остаться наедине с собой. Дома это плохо удавалось – он разрешил Марку жить в нем, пока не найдется покупатель. Он надеялся, что это случится очень скоро. Люди, приходившие смотреть виллу, были недовольны лишь ценой. Но найдется человек, который с радостью выложит за него кругленькую сумму. Даниэль был в этом уверен.

Оливия, стоя в ванной комнате, смотрела на себя в зеркало. Она содрала пластырь, который доктор поменял на новый, вместе с волосами, стиснув зубы от боли. Но ей больше не хотелось быть жертвой.

Закутанная в белое махровое полотенце, она легла на кровать, раскинув руки в стороны, наслаждаясь отдыхом и тишиной. Лишь шум кондиционера напоминал ей, что она в реальном мире. Надо было встать и одеться, и, пересилив себя, по-прежнему лежа, Оливия просунула руку в чемодан, вытаскивая оттуда черный кружевной бюстгальтер со вставками из натурального шелка.

– О нет, – простонала девушка, садясь на кровать. Она теребила его в руках, не зная, зачем взяла. Но ответ пришел сам, вновь обдавая жаром тело. Она хотела Даниэля Фернандеса и думала об этом перед рейсом.

Она думает о нем слишком часто, ее уже выворачивает от мыслей о нем. Что сделать, чтобы перестать желать его и думать о нем, вспоминая ту ночь?!

Оливия встала с кровати, прошла от окна к двери, в руках сжимая шелковую ткань. Сейчас есть повод ненавидеть Даниэля Фернандеса, но желание его обнять все-таки преобладало. Можно ворваться к нему в номер и высказать все, что накопилось внутри за эти три месяца. Можно обвинить его во всем этом. Можно все. Но желание никуда не уйдет. Она будет хотеть его в самолете, в автобусе, в аэропорту, в гостиницах, в Риме, в Сингапуре, в Дубае, в Лондоне, по всему миру, на небе и на земле. Этот мужчина, видимо, обладает магией, заставляя тело скучать по нему.

А ее тело скучало. Оно ныло, и его ломало, где-то внутри что-то загоралось, щекоча внизу живот. И Оливия не выдержала, понимая, что выход только один.

Она одевалась с одной-единственной мыслью: сейчас она пойдет к Даниэлю. Сделает это. Остальное – не ее проблемы. Пусть сам решает. Он может разозлиться и выгнать ее, указать на дверь, но так даже лучше. Может быть, хоть ему удалось сохранить рассудок. Оливия очень надеялась на это.

Очутившись возле его двери, девушка перестала дышать, слышала, как бушует внутри кровь. Ее рука повисла в воздухе, не рискуя постучать. Секунды превратились в часы, но хотелось продлевать это время еще и еще. Там, за этой дверью, ее ждала неизвестность, которая не могла не пугать. Но желание очутиться внутри оказалось сильнее, и ее рука коснулась двери.

Сердце замерло и больше не билось... Девушка закусил губу, услышав, как замок шелкнул, и дверь открылась. Ее глаза цвета небесной глади встретились с черным эспрессо, заставив Оливию продолжить начатое. Молча она зашла внутрь, руками коснулась холодной стены, прижалась к ней спиной, слушая тишину, но слыша лишь гулкий стук сердца. Оно стучало где-то вдалеке, приглушая дыхание девушки, и резко жар языком провел по ее телу. Закрыв глаза, чтобы не выдать себя, она почувствовала теплое дыхание возле своей щеки. Что это, сон? Видение? Воображение опять играет с ней?

Губы Даниэля нежно коснулись шелковой кожи возле ее уха, и Оливия выдохнула, боясь открыть глаза. Она двумя руками провела по его груди, понимая, что расстегнутая рубашка открывает доступ к его телу, и скинула ее, уже ощущая его губы на своих.

Тепло его тела... Стук его сердца... Его руки... Их дыхание... Ее стон... Платье скользнуло вниз, унося за собой проблемы этого мира. И шепот в губы:

– Я скучала, Даниэль.

Он подхватил ее на руки, желая так сильно, как прежде никого не желал. Наваждение стало явью. Он отказался от будущего ради нее. Орхидея победила.

– Я скучал, Оливия.

Глава 39

Звук будильника на мобильном телефоне заставил Даниэля открыть глаза. Он быстро нажал на кнопку, и тот стих, возвращая комнату в тишину. Пытаясь снова не уснуть, Даниэль посмотрел на девушку, которую крепко обнимал. Она прижималась к нему обнаженным телом, рукой касаясь его груди. Тепло ее тела манило в сон, но он боролся с ним, прислушиваясь к звукам за окном. Сейчас его интересовала погода, как всегда перед рейсом. Всю ночь лил дождь, и Даниэль боялся задержки вылета. Сейчас он не слышал монотонного шума, значит, вылет состоится по расписанию.

Он вновь посмотрел на спящую Оливию, пальцем проводя по ее щеке. Она улыбнулась, пряча от него лицо в подушку.

– Доброе утро, – прошептал он, щекоча дыханием ее шею и пальцами проводя вдоль позвоночника. Она засмеялась, пытаясь увернуться, но он не дал ей этого сделать, резко перевернув ее на спину и придавив собой.

– Доброе утро, – улыбнулась она, и до его мозга наконец дошел смысл сказанных слов. Он сказал ей «Доброе утро». Когда-то он поклялся не говорить этих слов. Даниэль начал нарушать свои же правила.

Всматриваясь в глаза цвета рассвета, он вспомнил ночь в Риме и правило «забыть все». Теперь он не собирался ничего забывать.

– Ты в моем номере, – прошептал он, и Оливия кивнула, – в моей кровати...

– Ты хочешь сказать, что наступила моя очередь уходить от тебя? – перебила она его. – Ты не порвал мое платье? К тебе не придет Нина?

Они засмеялись, и губы Даниэль коснулись ее. Его поцелуи как шелк – нежные и теплые, хочется ощущать их вечно. Забыть обо всем, затеряться во времени, остаться в отеле, в этом странном месте – маленькой стране, большом городе нарушения запретов и правил.

Но Даниэль выпустил ее из своих объятий:

– Мне кажется, больше нет смысла бежать, Оливия. Это глупо.

Она села на колени, прикрываясь одеялом, понимая значение этих слов. Нет смысла бежать от себя. Она всегда будет возвращаться к нему.

– Я хочу тебя, Даниэль, не буду скрывать этого. Я скучала по тебе. И ты прав, нет смысла бежать, если нам хорошо друг с другом. Но... – она опустила глаза, подбирая нужные слова, – есть правила.

– Правила созданы, чтобы их нарушать. – Он коснулся пальцами ее губ, проводя по ним. Наконец-то он может сделать это, имея на то полное право. – Мы будем осторожны. Никто не узнает.

На секунду ему в голову опять пришла мысль отдать девушку в другой экипаж. Но не видеть ее неделями он просто не сможет.

– Я хочу летать с тобой, видеть тебя каждый день, желать тебя, прикасаться к тебе. Хочу тебя всегда и везде, Оливия.

Она улыбнулась, рукой сжимая его руку:

– Я тоже, Даниэль. Ты прав, никто не заметит, если мы будем осторожны. Тем более о нашей неприязни друг к другу люди знают не понаслышке. Марк был свидетелем многих сцен, пусть думает так и дальше.

Оливия встала с кровати, отыскивая свои вещи:

– Но сейчас мне надо уйти.

– Как твоя рана?

– Ночью ты не особо о ней переживал.

– Я понял, что голова у тебя не болела.

– Все хорошо, – она вновь села на кровать, смотря на него, – если бы не рана, я бы пошла в город.

Он усмехнулся, откидываясь на подушку:

– Ты пришла бы ко мне ночью? Или накинулась на меня в самолете?

Оливия открыла рот от возмущения, вырывая подушку из-под его головы:

– Нахал, это ты набросился на меня!

– Не я к тебе пришел и шептал, что скучал.

– Но это же ты напал на меня! – Она попыталась ударить его подушкой, но капитан вовремя увернулся.

– А что мне оставалось делать? Я же мужчина. Сколько можно испытывать меня?

Оливия вздохнула, обнимая подушку, и Даниэль расслабился, улыбнувшись.

– Но ты бы пришел ко мне? – спросила она, надеясь услышать «да».

– Да.

Удовлетворенная его ответом, она продолжила одеваться. К чему был весь этот спор? Почему нельзя общаться спокойно?

Одевшись, Даниэль открыл дверь и выглянул в коридор. Теперь их спасет только осторожность. Убедившись, что поблизости никого нет, он произнес:

– Можешь идти.

– До свидания. – Девушка прошла мимо, но он рукой затормозил ее.

– И все?

Оливия улыбнулась, притягивая его к себе и впиваясь мягкими губами в его губы. Рукой она провела по его щеке, ощущая легкую небритость. Резко захотелось остаться. Еще пара секунд, и она начнет раздеваться снова. Пересилив себя, первая прервала поцелуй, желая его бесконечность.

– Мы встретимся сегодня? – Шелковый голос возле ее уха ласкал слух, и она улыбнулась.

– Сегодня?

Это было так странно. Они прощались до сегодня, хотя в промежутке даже не расстаются.

– После рейса. Я приеду к тебе?

Оливия задумалась, вспоминая график Мел. Свидетели им были не нужны. Хоть подруга имела такой же роман, он был не столь опасным. Иметь связь со своим капитаном – куда серьезней. В случае обнаружения их связи с должностью стюардессы придется распрощаться ей. Даниэль вряд ли потеряет свое место. Его привилегия в авиакомпании слишком высока. Она же, напротив, никто. Таких, как она, – тысячи.

– Почему не у тебя? – задумчиво произнесла Оливия, понимая, что видется у него дома было бы спокойней.

– Не поверишь, – стиснул зубы Даниэль, – со мной живет Марк. А еще покупатели постоянно ходят смотреть виллу, я выставил ее на продажу.

Удивлению Оливии не было предела:

– Марк живет в твоём доме до сих пор?

Марк хуже Мел. Марк – первый человек, которому нельзя давать даже намека на какие-либо отношения.

– Я разрешил ему пожить у меня до тех пор, пока дом не будет продан. Но это произойдет скоро, я более чем уверен.

– Зато я не очень уверена, – задумчиво произнесла девушка, теперь только вспомнив, как работает Мел. Кажется, она улетела в Нью-Йорк. А может, нет. Оливия в последнее время не спрашивала у нее про полеты. – Ты не знаешь, случайно, твой американский друг, капитан Арчер, сейчас не над Атлантическим океаном?

Скрывать свою связь сложнее, чем можно представить. Враги теперь будут повсюду.

– Я позвоню ему под предлогом работы и все узнаю, – прошептал он ей на ухо, нежно целуя кожу и желая, чтобы Арчер и Мелани с Гербертом были так далеко, как это только возможно.

Оливия ушла, и комната сразу опустела. Остались лишь смятые простыни и запах девушки, который еще больше возбуждал воображение Даниэля. Он не мог поверить в то, что случилось. И почему его угораздило желать именно ее? Но, откинув мысли прочь, он собрался и взял телефон в руки, набрав номер Джека Арчера. Абонент взял трубку слишком быстро, и Даниэля это разозлило – значит, он не летит над Атлантическим океаном, унося с собой жильцов квартиры Оливии.

– Фернандес, твой звонок богу в уши, – произнес голос Арчера, – ты что, женился?

– Чтобы позвонить тебе, мне надо быть женатым? – удивился Даниэль и тут же вспомнил их шутки по этому поводу перед полетом в Гамбург. – Звоню похвастаться экзаменом, Джек. Я его провалил.

Молчание на том конце подтверждало, что друг находится в шоке. Но через пару секунд он наконец заговорил:

– Ты уже получил результаты?

– Еще нет. – В связи с последними событиями, Даниэлю было все безразлично. Еще наступит его время. Джон Паркер, отец Оливии, тоже проходил через препятствия в летной карьере.

– Не думаю, что Карим подставит тебе подножку, Даниэль. Позвони мне, как получишь конверт. Ты сейчас где?

– В странном городе нарушения законов – Сингапуре.

Джек засмеялся, но Даниэль не шутил. Он нарушил самое страшное правило авиакомпании. Последствия могут быть печальными, но он не хотел об этом думать.

– К вечеру буду иметь конверт с результатами на руках. Я позвоню тебе, ты будешь на базе?

Хитрый ход Даниэля Арчер даже не заметил.

– Сейчас вылет в Нью-Йорк, через четырнадцать часов буду там, звони вечером. На базу прилечу только послезавтра к ночи.

Это была отличная новость. Даниэль уже представлял огромную кровать в квартире Оливии. Он часто думал о ней, вспоминая лицо девушки, когда та впервые ее увидела. Она была в бешенстве, и на тот момент его это забавляло.

Ночная прогулка по Сингапуру стала самым обсуждаемым событием. Все восторженно говорили о том, о чем Оливия даже не сожалела. Нина в подробностях рассказывала про небоскребы, и создавалось впечатление, что она никогда их не видела, живя в Дубае:

– Мы были возле «Марина Бэй Сандс» – это фантастика! На трех зданиях стоит огромная лодка, говорят, на самом верху – бассейн с видом на город, но, к сожалению, нам не удалось туда попасть.

Оливия кивнула, улыбнувшись. Она была в постели Даниэля Фернандеса Торреса, и это тоже была фантастика. Никакая лодка не сравнится с этим. Хотя на лодке гораздо безопасней...

Мельком она видела Даниэля на завтраке – он сидел за соседним столом и внимательно слушал рассказ Марка.

– Побольше бы таких рейсов, – усмехнулся капитан, прикинув в уме, во сколько обошелся простой самолета в аэропорту. Но это не его проблемы.

– Жаль, что ты не пошел с нами, получил бы массу удовольствия, – произнес, сожалея, Марк.

– Не переживай. Я и так получил массу удовольствия.

На брифинге Даниэль объявил, что Карим с ними не летит, и все облегченно вздохнули. Келси не стала менять места стюардесс, и Оливия по-прежнему работала в первом салоне, обслуживая пилотов. Теперь ее это не раздражало. Внимание Даниэля было полностью поглощено работой, и казалось, что между ними все как прежде. Для всех – они ненавидят друг друга. Разница лишь в том, что теперь между ними было одно сплошное молчание.

Даниэль заговорил с ней только тогда, когда вышел в салон самолета, заглядывая на кухню. К счастью, Оливия была одна, подогревала чайник с кофе.

– Кофе, капитан? – произнесла она, доставая чашку.

– Да. – Он облокотился о стену, сложив руки на груди и наблюдая за ней. Прошло всего лишь шесть часов с момента ее ухода из его номера, а казалось – вечность. – Я звонил Арчеру.

Не смотря на него, Оливия улыбнулась, наливая темный терпкий напиток. Она надеялась, что он скажет о том, что придет сегодня к ней. Она хочет этого. Сильно хочет.

– И? – Она протянула ему чашку. – Где сейчас Арчер?

– На высоте тридцать семь тысяч футов, летит в сторону Америки.

– Надеюсь, он не забыл прихватить Мелани и Герберта?

– Надеюсь, нет. – Даниэль сделал глоток кофе, не отрывая взгляда от девушки. Он заметил, как порозовели ее щеки. Она явно думала не о работе.

На кухню влетела недовольная Дженнет с журналом в руках, бурча что-то себе под нос. За ней шла Нина, толкающая очередную речь. От неожиданности их появления шокированный Даниэль не разобрал ни слова. Он лишь пропустил их на кухню, немного отойдя назад:

– В чем дело?

В мыслях предстала картина, как кто-то из пассажиров устроил дебош. Может, кто-то обидел девушек? Может, как Оливию, их щупали грязные руки очередного подонка?!

– Она не может выбрать платье! – вскипела Нина.

– Платье? – не понял он. Всего лишь платье. Он надумал бог знает что. А это всего лишь платье.

– Свадебное платье.

Даниэль закатил глаза. Это не подонки, не дебоширы. Платье. На высоте тридцать девять тысяч футов они не могут выбрать платье.

– Вам надо сейчас его выбрать? До свадьбы еще три месяца.

– Вот именно! – вскрикнула Дженнет. – Всего лишь три месяца! Они пролетят как один день.

Наверное, он никогда не поймет женщин. Ни один мужчина их не поймет. Сейчас Даниэль был уверен, что Шон, летя в Нью-Йорк, даже и не вспоминал о свадебных атрибутах. Три месяца – это уйма времени. За три месяца можно передумать жениться. Черт, можно передумать даже за минуту. Он вспомнил, как шел к Пауле с цветами в руках, чтобы сделать ей предложение. Он решил жениться на ней за минуту, так же за минуту передумал.

– Может, проще пожениться где-нибудь на краю света без свидетелей в маленькой церквушке. Не планируя заранее. Не покупая платье.

Дженнет уставилась на него, явно недовольная его словами:

– Каждая девушка мечтает о свадьбе! Я хочу белое платье и много гостей.

Тут же Даниэль вспомнил слова матери. Она сказала так же. Но он был с этим не согласен. Какая разница, где и как, главное, что это случится.

Налив себе воды, девушки вышли, оставляя ошарашенную Оливию стоять с чайником в руках. Она поставила его на место, все еще думая над платьем Дженнет, но прекрасно слыша Даниэля.

– И ты так считаешь?

– Как? – не поняла она.

– Платье, – кивнул он, – платье и слезы. Куча гостей.

– Я не думала над этим. Платье не входит в мои планы на ближайшие лет десять.

Он улыбнулся. Все менялось так быстро, что говорить о том, что будет через десять лет, смешно. Он вообще старался не думать о будущем. У него теперь есть настоящее.

Оливия мчалась на машине по главной улице, свернула на узкую дорогу и резко затормозила у дома. Даниэль не сказал, когда придет, она больше не оставалась с ним наедине. А заходя к нему в кабину, находила его полностью погруженным в работу.

Ей нравилось, что он ни на что не намекал в самолете. Корректно отстранился на время полета. Никто из них не хотел потерять место. Оливию это устраивало.

Придя домой, она закатила чемодан в комнату, на ходу скидывая с себя форму. Ей хотелось принять душ и ждать. Комнаты были пусты, Мелани действительно улетела в Нью-Йорк, предоставив Оливии массу свободного времени.

После рейса Даниэль с Марком еще долго находились в самолете, полностью отключая его, ставя на отдых:

– Я сегодня не приду, – произнес Даниэль, – не теряй меня.

Ему хотелось не приходить домой до следующего рейса. Завтра есть целый день, чтобы провести его с Оливией. А послезавтра они вновь будут делать вид, что не имеют друг к другу никакого отношения.

– Ого, – удивился Марк, – и где ты будешь?

Капитан лишь многозначительно улыбнулся. Почему он должен отчитываться?

– Личную жизнь никто не отменял. – Даниэль встал со своего места, надевая пиджак и забирая чемодан. – Сейчас пойду к Кариму, заберу у него результаты моего неудачного полета и буду праздновать всю ночь.

Карима не было на месте, и результаты он получил от его секретаря, решив сейчас не распечатывать конверт. Не желал портить себе настроение. Хотелось начать земную жизнь в другом месте, так что он сел в машину и поехал туда, куда его тянуло с неземной силой.

Оливия открыла дверь и кинулась в его объятия. Она соскучилась. Их дыхание смешалось. Он видел ее совсем недавно, а казалось – прошла целая вечность. Целуя, одновременно стягивая с Даниэля пиджак, Оливия слышала, как что-то упало, и ее взгляд тут же устремился вниз.

– Что это? – Она подняла конверт, рассматривая его со всех сторон.

Даниэль простонал, ненавидя Карима, этот конверт и себя за то, что забыл оставить его в машине.

– Продолжи то, что начала. – Он выхватил конверт из ее рук, подхватил девушку на руки и понес ее в комнату с кроватью, которая занимала все пространство теперь и у него в мыслях.

Оливия, смеясь, начала вырываться, одновременно выхватывая конверт из его рук. Она уже привыкла бороться с ним. Даниэль кинул ее на мягкую постель, накрывая собой, не давая возможности двигаться.

– Нет, – теперь простонала она, – сначала скажи, что в конверте?

– Зарплата.

– Зарплату теперь выдают в конвертах? – удивилась она, читая надпись. – «Итоговая аттестация», Даниэль!

Она вывернулась из его захвата, сжимая в руках то, что он не хотел видеть, и, сев на кровать, перевела дыхание.

– Почему ты не открыл его?

– Не хочу портить себе настроение.

– О! – воскликнула она. – Можно я открою его? У меня талант портить тебе настроение. – Она засмеялась, и он снова не устоял, вновь касаясь ее губами. Он ждал этого момента

целый день, и ничто не может испортить его. Но девушка постаралась, вырвалась наконец из его объятий и распечатала конверт. Вытащив бумагу и пробежавшись по ней быстро взглядом, она прочитала последние строчки.

– А-а-а! – вскрикнула она, и он вздрогнул, подумав, что коснулся раны на голове. – Ты сдал! Даниэль!

Секунду он просто смотрел на нее, прежде чем выхватить чертову бумагу, не поверив ее словам.

– Как такое возможно? – удивился он. – Карим сказал, что там будет не то, что я жду.

– Он правильно сказал, – Оливия коснулась пальцами его лица, заглядывая в темные глаза, – ты этого и не ждал.

– Бог мой! – Все перевернулось с ног на голову. Сейчас его поддерживала та, от которой он меньше всего этого ждал. – Наверное, здесь какая-то ошибка.

Даниэль развернул плотный лист бумаги и прочитал от начала до конца. Не было ошибки – он действительно аттестован. Два месяца ада не прошли зря. Десять лет не прошли зря. Чувствуя на своих плечах тепло ладоней Оливии, он обернулся, встречаясь с ней взглядом, и улыбнулся. Мечты сбывались одна за другой, он уже не поспевал за их темпом. Казалось, он имеет все, но это «все» надо постараться сохранить. Одно противоречит другому. За связь со стюардессой его экипажа он мог лишиться всех похвал и званий. Таковы правила, которые он нарушал, не задумываясь.

Его рука коснулась ее щеки, он провел по ней пальцем, двигаясь к ее губам, видя, как они приоткрылись в ожидании этого мягкого прикосновения. Он был не в силах оторваться от них, он слишком долго хотел этого.

– Можно я останусь у тебя, пока Мел не вернется? – шепотом спросил он, глядя ей в глаза. Находиться в большом пустом доме ему не хотелось, даже Марка он в нем практически не встречал. – Хотя наш рейс раньше...

– Конечно. – Оливия коснулась его руки, слегка улыбнувшись. Она не ожидала, что Даниэль попросит такое. – Знаешь, я...

Она не договорила, опустил взгляд и слегка нахмурившись. Такая реакция не ускользнула от его внимания:

– Что-то не так?

– Нет, – она вновь коснулась его своим взглядом, – просто... Я раньше никогда... не жила с мужчиной, – наконец произнесла девушка. Признание далось ей с трудом. Она понятия не имела, как с ними жить. Она всегда была одиночкой. Легкие романы заканчивались, толком не начавшись. Оливия первая рвала все связи, объясняя это тем, что ее мир – небо, она слишком много думала о работе.

Даниэль только рассмеялся:

– Отлично, я буду первым.

Одновременно хотелось быть и последним. Он посмотрел на окно и, не увидев на подоконнике цветов, порадовался. Знать про Патрика ему не хотелось. Не хотелось также думать про Паулу, про обиду, которую он ей нанес, хоть и не считал себя виноватым. Он никогда ей ничего не обещал.

Он просто хотел жить сегодняшним днем, радоваться тому, что имеет. Просто наслаждаться настоящим.

Глава 40

Присутствие Даниэля напомнило девушке о ночи, проведенной в странной гостинице Гамбурга. И хотя все было по-другому, она не могла объяснить это сравнение. Возможно, именно тогда впервые они делили одну ванну, одну комнату. Тогда они спали на разных кроватях, но ощущение близости было как сейчас.

Впервые Оливия почувствовала, что ей не скучно без Мел. Впервые не хотела лежать целый день на кровати, смотря в потолок, или мотаться по городу в поисках ненужных вещей. Сейчас ей было с кем поговорить. Она даже радовалась тому, что жарила яичницу на двоих, при этом напевая до боли знакомую мелодию своей авиакомпании.

– Мне кажется, я на борту рейса 2-1-6, – смеялся Даниэль. – Ты всегда поешь, когда готовишь?

Было странным осознавать тот факт, что она вообще до этого не готовила. Оливия ненавидела готовить. До сегодняшнего дня.

– Я впервые здесь жарю яичницу, Даниэль, так что заранее прошу прощения, если она окажется невкусной.

Он часто обнимал ее, заставляя чувствовать свое присутствие. И от этих ласк хотелось все бросить и зарыться под одеялом, снова и снова наслаждаясь друг другом.

– А как можно испортить яичницу?

За время, проведенное вдвоем, Оливия много узнала о Даниэле. Он рассказывал про свою юность, про то, как начал летную карьеру наперекор родным, как переехал в Дубай, как тяжелы были учебные годы. Он рассказывал про свою семью, про отпуск в Аликанте, не упоминая лишь одного человека – Паулу.

Он также упускал слово «отец». Но Оливии довелось узнать про него раньше, и сейчас она боялась затронуть болезненную тему вновь. В памяти еще свежи были воспоминания слов, брошенных во время очередной игры. Тогда он сказал, что не желает обсуждать смерть своего отца, тем более с ней. Но она поймала себя на мысли, что хочет помочь его воспоминаниям взрываться не гневом, а яркой радугой. Воспоминания о любимом человеке не должны проявляться отрицанием того, что было с ним связано. Ей, как никому другому, было это известно. Когда-то она переступила через свою боль, ненавидя самолеты, один из которых убил ее отца. Оливия не родилась небесной феей, она прошла адскую душевную боль, чтобы стать стюардессой и взойти на борт. Но лишь один шрам не мог стереть тот день, когда отца не стало. И этого шрама на груди девушки нежно коснулись пальцы Даниэля. Теперь он хотел знать о нем.

– Если тебе больно об этом вспоминать, я могу ждать столько, сколько ты сможешь молчать.

Она не хотела молчать, смотря на его пальцы, касающиеся ужасного шрама. Он не был ему противен, Оливия убедилась в этом, когда его губы мягко коснулись белого следа ее воспоминаний.

– В тот день стояла ясная погода, я гуляла с соседскими детьми во дворе. Слепило солнце, было невероятно душно... Я даже не поняла, в какой момент ветер поменял свое направление, пригнав темную грозовую тучу. Она появилась откуда-то извне, выжимая из себя крупные капли дождя. Именно вода заставила нас разбежаться по домам, и я прибежала к маме на кухню, почувствовав приятный запах. Мне было все равно, что именно она готовила, но запах был такой вкусный, что я ощутила голод. Чтобы отвлечь себя, я включила телевизор. А мама пела, мешая мне смотреть...

Оливия опустила глаза, воссоздавая в своей памяти яркую картину, которую поклялась забыть. Но она помнила. Она не забыла ни минуты. Она даже помнила лицо диктора, смотрящего на нее с экрана телевизора:

– Она пела, но я уже не слышала ее, уставившись на фотографию самолета, летевшего из Бостона в Лондон британскими авиалиниями, рейса номер 5-6-3. Диктор сказал, что он упал в Атлантический океан. – Оливия облизнула пересохшие губы, ощущая дыхание Даниэля возле своего уха.

– Оливия, – прошептал он, пытаясь вывести ее из транса, – не надо, не рассказывай, если тебе тяжело.

Но девушка не слышала его:

– Помню, как закричала, в глазах стоял туман... Сердце просто остановилось. В голове страшно гудело, я задыхалась... Помню, как пошатнулась, хватаясь за столешницу. На ее конце лежал нож. Я падала, и он летел вместе со мной, колом втыкаясь мне в грудь. Больше ничего не помню. Ни боли. Ни слез.

Даниэль прижал ее к груди, шокированный историей. Оливия так ясно все рассказала, что он смог в красках представить пережитый ею ужас и задуматься о том, что сейчас он обнимал, вероятно, самую сильную женщину из всех, что когда-либо встречал. Что заставило ее подняться на борт самолета в качестве стюардессы после всего, что она пережила? Она бросила вызов судьбе.

Он капитан самого большого в мире самолета и отвечает за жизни пятисот пассажиров, но не имеет и доли той храбрости, которой обладает Оливия. Он убежал от своего прошлого, возненавидел даже его запах. Оливия же пошла вперед, чтобы доказать свою силу. Он восхищался ею.

– Я очнулась в больнице и услышала разговоры врачей. Они говорили, что нож проткнул кожу, втыкаясь в ребро. Оно спасло меня, удержав острие в сантиметре от сердца. – Оливия взглянула на Даниэля. – Я поправилась быстро, но шрам остался со мной как памятник смерти моего отца.

Он прижал ее к себе сильнее, руками проводя по волосам, но Оливии не нужна была жалость, и она отстранилась, слегка улыбнувшись:

– Это всего лишь воспоминание, я не боюсь его.

Сильная во всем. Видимо, как ее мать, которая в один миг потеряла мужа и чуть не лишилась дочери. Даниэль полностью воссоздал минуты той трагедии глазами Оливии и жены Джона Паркера. Раньше его видения были в кабине пилотов, он слушал запись той ужасной катастрофы на лекциях в университете, понимая, как боролся капитан за жизнь, чтобы вновь встретиться со своей семьей. Он боролся до последнего, Даниэль слышал его спокойный голос, в котором чувствовалась надежда на спасение. До последней секунды. В последнюю секунду Джон Паркер шепотом произнес: «Ливи». Тогда Даниэль не понял, что капитан имел в виду, это имя могло быть чьим угодно. Спустя столько лет после прослушивания записи, которую им, студентам, преподнесли в качестве примера, он осознал: Джон Паркер шептал имя своей дочери, видя перед собой смерть в лице океана.

Пальцы Даниэля коснулись щеки девушки:

– Ты не против, если я буду звать тебя Ливи?

– Так называл меня отец, – вымученная улыбка коснулась ее губ, и Оливия накрыла своей ладонью его руку, – но я не против.

Даниэль решил никогда не говорить ей, как узнал это имя. Он никогда не скажет ей о том, что слышал, как умирал ее отец. Она никогда не узнает от него, что происходило в кабине пилотов в тот роковой полет. Но он будет называть ее так, как хотел бы Джон Паркер.

Девушка прижалась к Даниэлю, вслушиваясь в биение его сердца. Оно успокаивало и манило в сон. Она поддалась, закрыв глаза, и погрузилась в тишину и безмятежность.

Целый день они провели друг с другом, и он показался им минутой. Даниэль закинул подальше свой ноутбук, не желая смотреть сводку погоды над Таиландом. Завтра они полетят в Бангкок. Но это будет только завтра, а сегодня хотелось отдыхать. Он поймал себя на мысли,

что никуда не хочет выходить из этой квартиры. И хотя она была маленькой по сравнению с его виллой, уютом превосходила в сотни раз. Он слышал, как напевает Оливия знакомую мелодию, наглаживая его рубашку.

– Я сам мог погладить, ты не обязана это делать.

Она сняла погоны, знакомый ей значок в форме крыльев с надписью «Капитан Даниэль Фернандес Торрес» и бережно сложила их на стеклянном столике в гостиной рядом с фуражкой и своим бейджиком.

– Мне приятно это делать. – Она проводила утюгом по белоснежной ткани, но видела, как самолет скользит над облаками. Где-то она уже видела эту картину. Дежавю из детства вновь пронеслось в памяти. Она много раз видела, как мама готовит форму отца к рейсу, наглаживая рубашку и пристегивая погоны обратно. – Я знаю, как готовить капитана к полету.

Даниэль улыбнулся, наблюдая за ней. Он бы прекрасно справился и сам, но, видя Оливию, захотелось забыть все свои навыки по самообслуживанию.

– Ты меня разбалуешь.

– У нас сейчас есть эта возможность, – засмеялась девушка, – но когда мы вернемся из рейса, Мел будет уже дома.

Даниэлю захотелось заплатить Мелани, чтобы та осталась в Америке.

– Я что-нибудь придумаю.

Оливия взглянула на него, пожав плечами:

– У меня Мел, у тебя Марк. Выбор небольшой, вернее, его нет.

– Зато у нас есть целая ночь в гостинице Бангкока.

Оливия и не думала о чем-то другом. Только гостиница и только вдвоем.

– Твоя очередь приходить ко мне в номер.

– Я пришел к тебе домой.

– Ладно, значит, моя.

Предстояло опять лететь в одном самолете, делая вид, что они абсолютно безразличны друг другу. Но лучше так, чем встречаться раз в месяц где-нибудь между рейсами в аэропорту. Даниэль так и не понял, как это получалось у Шона и Дженнет, может быть, поэтому они решили день свадьбы выбрать через полгода. Они явно не встретятся раньше. Улыбнувшись, он взглянул на Оливию. Та с серьезным видом наглаживала каждую складочку, каждый шов. Это занятие доставляло ей удовольствие, она не лгала ему. И он рад, что может любоваться подобным зрелищем, в отличие от Шона.

– Дурацкое правило авиакомпании, – не выдержав, выругался Даниэль, – логически у членов одного экипажа больше шансов стать любовниками – они видят друг друга чаще.

– Ты думаешь, в твоём экипаже это частое явление? – Она встретила с его недовольным взглядом и хитро улыбнулась. – Может быть, Нина и Марк или Келси и Джуан, а может, Луи и Мирем?

Думать об этом не хотелось, но даже если бы пришлось, он не мог такого представить. Для него они были идеальным экипажем, соблюдающим все правила.

– Ты что-то знаешь? – хитро улыбнулся Даниэль. – Конечно, ты же общаешься с ними и наверняка знаешь больше, чем я.

– Конечно, больше. Вы с Марком как ведущее звено идете впереди и не видите, что творится за вашими спинами.

Стало интересно, и Даниэль вскочил с дивана, наваливаясь на Оливию:

– Значит, ты мне расскажешь, что происходит на борту самолета, пока я глух и слеп!

Она улыбнулась, размахивая перед ним горячим утюгом, и капитан отпрянул.

– Запомни, никто не хочет лишиться своего места. Никто никогда не скажет правды, все будут скрывать ее. Я тоже не буду кричать направо и налево, что сплю с тобой. Все мы

идеальны, все мы соблюдаем прописанные правила. Мне ничего не известно, я слышу только про связи между нашими и людьми из других экипажей.

– Арчер и Нина?

– Твой Арчер – кобель! – начала заводиться Оливия, и Даниэль забрал у нее горячий утюг.

– Их отношения – не наше дело. А что касается остальных, пусть что хотят, то и делают, я как капитан закрою на это глаза, а как человек – порадуюсь за них.

– Боже, – вздохнула девушка, – я удивляюсь порядку в твоём экипаже. Хотя, может, за твое понимание и «закрывание на все глаз» они и уважают тебя.

Даниэлю понравились ее слова – он предполагал, что это так, но из ее губ это звучало так сладко.

– Я просто думаю о людях. И дело не в «закрывании глаз», Оливия, я отстаиваю их интересы, бьюсь за них. Я многие годы завоевывал их доверие, и, видимо, это дало результат.

Девушка была с ним согласна. Она не слышала ни одного негативного отзыва о нем из уст экипажа. Они восхищались им, с грустью провожали в долгий отпуск и с радостью встречали. Они были недовольны, когда вместо Даниэля ставили другого капитана. И только она радовалась замене.

– Они уважают тебя. – Она забрала из его рук утюг и продолжила гладить.

Он следил за каждым ее движением, как аккуратно и осторожно она проглаживала каждую складочку, нежно касаясь ее пальцами. Это зрелище бурей отозвалось в его мозгу, и он вновь выхватил утюг из ее рук, испугав резким движением девушку. Она удивленно посмотрела на него и тут же нахмурилась. Это было мило. Теперь все, что делала Оливия Паркер, было для Даниэля возбуждающим. Ни на секунду он не пожалел о том, что остался у нее. Жалел лишь о времени, которого оставалось слишком мало. Завтра снова рейс, и снова они будут чужими. Снова тихий стук в дверь его номера и нежный взгляд. Его снова поглотит ее небо. Надо только подождать. Но еще есть немного времени, чтобы насладиться этой девушкой вдоволь, чтобы не думать о ней весь полет. Впереди целая ночь, и этого должно хватить.

Он притянул ее к себе, шепча возле ее губ:

– К черту рубашку.

Оливия тут же выпустила ее из рук, одновременно чувствуя озноб и жар. Разве такое возможно, чтобы человек одной лишь близостью вызвал всю эту гамму ощущений? Почему она хочет его бесконечно? Почему дня, проведенного с ним наедине, мало? Почему этот мужчина Даниэль Фернандес Торрес? Почему она попросила уйти Патрика, ни капли не пожалев об этом? Почему жизнь так несправедлива?

Беспорядочный поток вопросов крутился в голове, но как только губы Даниэля коснулись ее, в голове стало пусто, и, застонав, Оливия осознала, что все это время не дышала. Она стала куклой в его руках, полностью вручая себя ему. Он подчинил ее тело, забрал без остатка. Она сгорала, окунаясь в вулкан раскаленной лавы, в которую он завлекал ее. Хотелось бесконечно ощущать эту страсть и навсегда остаться в этом моменте. Но время невозможно остановить, а значит, надо наслаждаться каждой секундой, что оно дарило им сейчас.

Утро ворвалось в комнату, принося с собой суматошный день. Даниэль застегивал пуговицы на рубашке, одновременно звоня в центр полетов и делая глоток кофе, что принесла ему Оливия. Откинув телефон на диван, он схватил галстук:

– Я уйду раньше, мне надо зайти к Кариму, встретимся на брифинге.

– А потом в Бангкоке, – прошептала Оливия, застегивая пуговицы на своей блузке.

Даниэль обернулся.

– Да, в Бангкоке. – Он подошел к ней, целуя в щеку. – У тебя покрашены губы. Ненавижу эту помаду.

Девушка улыбнулась, проводя по гладко уложенному пучку, на ощупь определяя, все ли в порядке с волосами:

– Еще одно правило нашей авиакомпании.

Даниэль выругался, снимая пиджак с плечиков и забирая фуражку со стола. Времени оставалось мало, радовало только то, что до аэропорта совсем недалеко.

– Я пошел. – Он взял чемодан за длинную ручку, открыл дверь, но в последний момент остановился. – Я буду скучать, Ливи.

– Шесть с половиной часов, Даниэль, – девушка подошла к нему, касаясь нашивки в виде крыльев на черном пиджаке, – и целая ночь в Бангкоке.

Теперь перед ней стоял капитан, пилот, при форме с погонами. Тот самый Даниэль, с которым она всегда ругалась, которого толкнула в бассейн с холодной водой, которого накормила персиками и чесала его спину, думая, что он умрет от аллергии. Тот самый Даниэль, который говорил ей гадости, который превратил ее первый рейс в ад, который напоил ее до полусмерти, а потом всю ночь возился с ней, приводя в чувство. Капитан, которого она хотела, несмотря на все это, гордый, красивый мужчина, которого судьба превратила в ее любовника.

– Уговорила, – улыбнулся он, встречаясь с ней взглядом, – ради этого я готов ждать шесть часов.

Ему хотелось поцеловать ее, но, видя покрашенные красной помадой губы, он лишь вновь выругался в адрес авиакомпании и вышел из квартиры.

Резко стало пусто и тихо. Одиноко и холодно. Оливия грустно вздохнула, направляясь к окну на кухне. Она выглянула на улицу, и улыбка коснулась ее губ – Даниэль садился в машину и махал ей рукой. Он садился в «Мазерати», которая сильно выделялась среди старых «Тойот» и «Ниссанов». Но это Дубай. Такой микс здесь часто встречается.

Непривычно быстро Даниэль доехал до аэропорта; решил, что купит квартиру где-нибудь в этом районе, желательно поближе к Оливии. Лучше в ее доме. А еще лучше – на одном этаже с ней. Он улыбнулся, выходя из машины и ловя себя на мысли, что всю дорогу думал о ней. Впервые за несколько месяцев он понял, что жизнь насыщена яркими красками. И хоть небо было по-прежнему голубым, в лучах утреннего солнца оно ослепляло. Было сложно смотреть под ноги, и Даниэль остановился, устремив взгляд вверх, рассматривая безоблачные просторы.

– Как зовут девушку, которой удалось завоевать твое внимание на целых две ночи? – Голос Марка за спиной заставил лазурное небо превратиться в серый асфальт.

От неожиданности Даниэль растерялся, не зная, что ответить. И Марк, и его вопрос оказались неожиданными.

– Что ты делаешь здесь в такую рань? – выкрутился он, вопрос прикрывая вопросом. – До брифинга еще час.

– Сегодня, к удивлению, нет пробок, доехал слишком быстро. А что ты делаешь так рано в аэропорту? Я думал, ты опоздаешь. – Марк улыбнулся. – Так как зовут девушку, Даниэль? У нее есть имя?

– Есть. – Даниэль покати́л чемодан к входу в здание, пытаясь протянуть время и все равно понимая, что ответить придется. – Я сдал экзамен, Марк.

Он выкрутился, отвлек внимание второго пилота. Можно было, конечно, наврать, выдумать имя девушки, ее внешность, нафантазировать род занятий, приплести даже собачку в сумочке. Но Даниэлю совершенно не хотелось врать. Его устроило бы обычное равнодушие Марка к этому вопросу.

Второй пилот присвистнул, хлопнув капитана по плечу:

– Вот черт, Даниэль, и ты молчишь?! Ты должен был кричать об этом на весь аэропорт!

– Это странный результат, Марк. – Даниэль остановился и достал из внутреннего кармана пиджака конверт. Он протянул его пилоту, и тот, быстро вытащив из него бумагу, прочитал и улыбнулся:

– Здесь нет ошибки, ты сдал, поднялся на еще один уровень. Я поздравляю тебя, капитан! Это фантастика! – Марк сжал ладонь Даниэля.

– Вот именно что фантастика. Пусть Карим скажет мне это в лицо. Иначе я не поверю ни единому написанному слову. Кстати, я приехал раньше, чтобы зайти к нему. Хочешь пойти со мной?

– Конечно, – кивнул Марк, все еще радуясь хорошей новости, – хочу услышать, как будет заикаться Карим, ища оправдания своим словам, сказанными по прилете в Сингапур.

Они прошли к лифту, минуя суету в зале аэропорта. Сегодня было слишком шумно, слишком много людей с чемоданами пытались оттащить друг друга ноги.

– Что сегодня за день? – Марк удивленно посмотрел на Даниэля, но тот лишь пожал плечами, заходя в лифт.

– Может, отменили рейсы? Надеюсь, наш состоится по расписанию.

Он не хотел никаких перемен. Никаких задержек, никаких изменений. Только в Бангкок и только с отдыхом в гостинице, только Оливия и только до самого утра.

Направляясь по длинному коридору в здание руководства, Марк плелся за своим капитаном, сию минуту прочитав текст. Но получалось плохо из-за тусклого света, и он опустил бумагу, обращаясь к Даниэлю:

– Ты криво посадил самолет в условиях сильного бокового ветра? Это так. Сместился с разметки? Да. Но ты его посадил и выровнял! Я не понимаю, что тебя не устраивает?

– Я должен был предугадать такую ситуацию, Марк. А не садиться черт-те как криво с заносом. А если бы я не выровнялся с разметкой? Что тогда? Пропахали бы поле? И наши кишки соскребали с земли. Карим был прав, говоря об уходе на второй круг. Только я это понял слишком поздно, когда нас занесло на полосу. – Даниэль продолжал идти, ругая себя. В памяти вновь пронеслась яркая картина посадки. Он вспомнил свои ощущения от неожиданного подвоха в виде сильного ветра на земле. Видимо, в его жизни ветру суждено приносить сюрпризы.

– Надеюсь, ты все это не скажешь Кариму.

Даниэль улыбнулся. Конечно, он так не скажет, но услышать правду о себе из уст человека, ругавшего его и давшего ему дорогу дальше, было необходимо.

Дальше они шли молча, каждый думал о своем. Марк все еще теребил в руках письмо с итогами аттестации капитана. Он хотел спросить Даниэля о девушке, о которой тот умалчивал, но итоги сейчас были важнее. Ни одна девушка не была для капитана важнее работы. Образ незнакомки тут же исчез, вместо нее перед ними предстало лицо Мухаммеда Шараф аль-Дина:

– Фернандес, ты мне нужен.

Его голос заставил пилотов остановиться. Даниэлю меньше всего хотелось быть нужным Мухаммеду именно сейчас. Он отступил на шаг, но тот приблизился, пальцем тыкая ему в грудь:

– Сегодня ты полетишь в Катар на международное собрание пилотов.

Глава 41

Земля ушла из-под ног, а вместе с ней долгожданный Бангкок. Даниэль смотрел на Мухаммеда, пытаясь понять, шутит ли он. Но вид директора авиакомпании был слишком решителен. Он рукой указал на свой кабинет, и машинально Даниэль сделал шаг в направлении света.

– Какое собрание? У меня рейс в Бангкок через три часа.

– Я уже договорился с Дюпре, он возглавит твой экипаж.

– А он не хочет полететь вместо меня в Катар?

– Там нужен ты, Даниэль, и твой случай в Коломбо. Я не долго думал, кого отправить, в последнее время на слуху только твое имя. Представь, сколько ты всего можешь рассказать коллегам из других авиакомпаний. Ты можешь дать им советы, используя свой пример!

Марк, до этого тихо стоящий где-то сзади, наконец произнес:

– Не всем по душе такая посадка. Коллеги разберут его на части.

– Нет, пилоты встречаются на таком собрании, чтобы перенять опыт. Они не вправе судить открыто. Наше дело – изложить свою версию. – Мухаммед подошел к столу секретаря, беря стопку бумаг, и взвалил ее Даниэлю в руки. – Тебе нечего бояться, Фернандес. Я полечу с тобой.

Даниэлю захотелось привести себя в чувство, он едва сдержался, чтобы не шлепнуть себя по щеке ладонью.

– К этому надо готовиться не меньше недели. Я уже не помню многих нюансов.

– У тебя есть время. Конференция завтра, но вылететь надо сегодня вечером.

– Я вообще-то шел к Кариму.

– Его нет, он улетел в Брюссель, но просил передать, что горд за тебя.

– Плохо верится, – нахмурился Даниэль, смотря на Марка, но тот лишь пожал плечами, с трудом веря в эти слова. – Я сдал экзамен не просто так?

Этот вопрос он задал Мухаммеду, и тот кивнул, слегка улыбнувшись:

– Для меня ты лучший. Ты молод и горяч, когда-нибудь твой пыл остынет и ты станешь как все. Мне нужен пыл сейчас. Мне нужна отличная посадка в Коломбо, фееричное шоу над аэропортом Дубая, пробег без реверса и кто знает, на что ты еще способен. В Бангкок пусть отправится Дюпре, его место на полосе длиной в четыре километра. А для тебя она слишком короткая.

Слушать его слова было приятно, но менять планы – нет. Между стопкой отчетов в руках и речью Мухаммеда Даниэль видел девушку, которая будет ждать его, но он не придет. Он не увидит ее ни в облаках, пролетая над землей, ни в гостинице Бангкока.

– Сколько мы будем в Дохе?

– Послезавтра уже будешь дома в ожидании следующего рейса.

Два дня – это не много. Это всего лишь две ночи. Он пилот, и это его жизнь. Работа должна быть на первом месте. Никакая страсть не вытеснит любовь к ней. Он ждал три месяца, две ночи пролетят незаметно.

– Я буду ждать тебя у себя. – Мухаммед исчез так же быстро, как и появился.

Даниэль положил бумаги на стол и посмотрел на Марка, у того был подавленный вид.

– Всего лишь рейс туда и обратно, Марк.

– С Дюпре, – вздохнул тот. – Пойду обрадую экипаж. Они встретят его овациями. Соскучились, наверное.

Легкая улыбка коснулась губ, и он опустил взгляд, пытаясь спрятать свое разочарование от Даниэля. Кому из них повезло больше? Выступать перед большой публикой, принимая на

себя агрессию других пилотов? Или лететь молча с Дюпре несколько часов? Пожалуй, лучше молчать, смотря свысока на проносящиеся мимо пейзажи.

– Это цена моего сданного экзамена, Марк. И поверь, меньше всего я хочу попасть на эту чертову конференцию.

Второй пилот лишь кивнул, понимая, что выбора нет. За Даниэля его сделало начальство, и он сочувствовал ему.

– Ты справишься, капитан, утри им нос. Покажи, что способен на многое. Мы гордимся тобой. – Марк пожал руку Даниэля и направился к выходу, оставляя капитана одного среди кипы бумаг.

Оливия прошла регистрацию и направлялась в комнату для брифинга. Улыбаясь, она катила чемодан, любуясь самолетами. Впервые за несколько месяцев она улыбается искренне. Она порхала по длинному коридору, пытаясь прийти первой на брифинг, чтобы хоть пару минут побыть наедине с Даниэлем перед полетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.